

18+

Под Ним

Катерина Авдюгин

Катерина Авдюгин

Под Ним

«Издательские решения»

Авдюгин К.

Под Ним / К. Авдюгин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553361-6

В жизни многих из нас встречаются истории, которые побуждают к переменам. Истории, которые помогают расправить крылья. И истории, которые не придуманы человеком, а созданы руками Господа. Романы читают, чтобы сюжеты, описанные в них, были прожиты. Не поняты или восприняты, а именно прожиты. Читатель идёт рядом с главной героиней или за ней следом и оказывается не в своей жизни, а в описанной в книге. Чем этот роман отличается от подобных? Ничем. Это ещё одна жизнь. Это ещё один взгляд.

ISBN 978-5-00-553361-6

© Авдюгин К.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
НУ, ЗДРАВСТВУЙ, МИР	9
МАЛЕНЬКИЙ МУДРЕЦ	13
НЕОСОЗНАННАЯ ОСОЗНАННОСТЬ	22
ПЕРЕВЁРНУТАЯ СТРАНИЦА	33
ДОЧКА	40
ЯЛТА	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Под Ним

Катерина Авдюгин

Редактор Екатерина Аполлонова

© Катерина Авдюгин, 2021

ISBN 978-5-0055-3361-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Это уже третья попытка записать то, что осталось в воспоминаниях или, может, фантазии.

Мозг – террорист. Спротивляется писать.

Неверие в собственные силы заставляет снова и снова откладывать создание этих страниц. Разве может быть всё легко и просто? Вот так взять и написать то, что на сердце, на уме, в душе? «А может, сделать что-то посущественнее, – спрашивала я себя. – Кому нужна моя книга? Кому нужны эти истории? Писать для себя – потрачу много времени впустую. Я мечтаю о карьере. Неужели книга – тот самый инструмент, который приведёт меня к состоянию проживания собственного успеха? И я буду утопать в радости реализации, наслаждаясь каждым отзывом».

Хочется сделать для мира что-то полезное, но как?

Конечно, когда происходили описанные события, никто не предполагал, что однажды Вселенная засыплет меня подсказками, и я не смогу сопротивляться желанию сесть за ноутбук, положить руки на клавиатуру и начать записывать. Именно необъяснимое, иррациональное сопротивление стало причиной затягивания творческого процесса. Душа хотела распахнуться навстречу опыту, а разум останавливал. Писателей много, но я знаю, что каждый интересен для своей аудитории. Любопытно, чем же могу быть интересна я? Я нашла сама в себе ответ на этот вопрос, именно поэтому у вас в руках моя книга. И ответ такой: моя история – это таинство, которое я хочу разделить с теми женщинами, которые проходят или проходили уроки жизни, но от тяжести этих уроков, от острых стёкол под ногами, от изнуряющей ноши, они упали и уже почти потеряли надежду подняться с колен.

Из какой точки пути я пишу сейчас. Три года назад мы с семьёй эмигрировали в Австралию. У меня получилось кардинально изменить жизнь всего-навсего одной фотографией. Я тогда практиковала йогу, это придавало мне силы для трансформации мыслей. Развитие гибкости тела добавляло гибкости мышлению и ресурса для жизни в целом. Мне очень нравились полученные результаты. На очередной тренировке моя тренер Татьяна сделала фотографию, запечатлев меня в позе «нога за голову». Эту фотографию увидели в Австралии. Я ни за что не поверила бы в чудеса, если бы не этот случай. Расскажу о нём чуть позже.

Хотя сейчас вспоминаю, что до этого эпизода с фото была ещё одна подсказка пути. Лет десять назад моя близкая подруга Натали сказала: «Ты должна написать книгу, твои жизненные истории будут полезны миру». Её слова так глубоко проникли в память, что живут там до сих пор. Я опираюсь на них, когда снова начинаю сомневаться в необходимости этого труда.

Последним маячком стало ещё одно маленькое чудо. О нём здесь.

Накануне эмиграции из Украины в Австралию я принимала участие в доброй игре-лотерее: «Книги на русском языке по обмену для эмигрантов в разных странах мира». Я выполнила условия: скопировала пост в Фейсбук, разместила на своей странице. После чего забыла, что принимаю участие в этой лотерее – недаром говорят, что самые важные события в жизни происходят спонтанно и без усилий.

Через полгода мы с детьми получили визу и (это был ноябрь 2016 года) оказались на другом континенте. Именно «оказались», хотя, конечно, приложили немалые усилия, чтобы это случилось. Когда мы переехали, ощущение было, что «оказались».

Это был один из самых тяжёлых перелётов в моей жизни. У нас было восемь неподъёмных чемоданов. Не обошлось и без приключений: на рейс в Стамбуле мы опоздали. Пришлось покупать новые билеты. После чего нас ждали тридцать восемь часов полета, и это уже в стрес-

совом состоянии после спешки. Когда читаем о таком в книгах, проживается совсем иначе, чем когда сталкиваемся вживую.

Но умение подмечать прекрасное мы за этот перелёт не растеряли. И вот прохладная осень за два дня сменилась тёплой весной. Наша ночь неизбежно стала утром, и с первыми лучами нового для нас солнца меня ждал сюрприз. В почтовом ящике.

Конечно, люди, принимая решение о внезапном переезде в другую страну, часто задают себе вопрос о предназначении: «И что теперь?»

В маленьком открытом почтовом боксе лежала небольшая книга, ожидая меня. «Вино из одуванчиков» Рэя Брэдбери. Невозможно передать или выразить, какая радость охватила меня, когда я получила книгу из Украины. Я тут же написала об этом подруге, ведь она была инициатором книгообмена. «Катя, читай скорее, там подсказка и ответы на твои вопросы», – писала она.

Вот так произошло ещё одно чудо, и я приняла новый знак.

На осознанный анализ прочитанного и прожитого после ушёл год. Только вот подсказка на этот раз была не в изложенном и написанном, а в самой книге.

Она ждала меня.

Что было дальше. Всё как по нотам божественного замысла. Меня «закрыли» дома. Я потеряла работу, занятия йогой существенно сократились. Муж попал в автомобильный инцидент, его рабочую машину списали. Понимая, что работать нужно хотя бы ему, мне пришлось отдать свою машину на время решения выплаты компенсации от страховой компании. Взаперти. Без машины. Без привычного ритма жизни.

Видимо не понимала я иначе всех подсказок. Мне было легче находить причины не писать: нет вдохновения, нет сил, «ох уж эта адаптация». Этих причин были десятки.

Всё! Я не хотела больше шутить с высшими силами. Уж больно тяжёлые последствия у моего обесценивания и избегания. Не обо всех этих последствиях я могу рассказать прямо сейчас, может быть, позже, на страницах книги. Одно точно: мне усердно показывали, что придётся ответить за игнорирование знаков и намёков. И я поняла (наконец-то), что единственное, чем я могу сейчас быть полезна миру – рассказать о своём опыте. Возможно, он будет полезен не только женщинам. Мужчины читают романы? Конечно, да!

Это творение я посвящаю великим Женщинам. В первую очередь той, кто сумела своим примером и жаждой жизни зажечь свет в моей истории. Придя в этот мир, я выбрала её своей мамой. Она верит в меня и моё творчество.

И ещё одной очень важной женщине в моей жизни. Моему главному учителю. Моей дочери Юлии. Надеюсь, ты прочтешь книгу и почувствуешь моё желание поделиться с тобой опытом и рассказать, а может быть, и оградить от некоторых испытаний, с которыми тебе (верю в это) не придётся встретиться.

Также в моей жизни есть прекрасная женщина, мой наставник Вера Шумская. Помню её слова, открывающие суть моей истории: «Всё, что тебе нужно – это любовь. Любовь – это всё, что тебе нужно».

Благодарю вас, мои родные души, за все периоды моего сложного прошлого. Вы рядом и проходили их вместе со мной. Этапы, ступени развития, вместе с вашей поддержкой привели к росту моей личности.

Теперь, создавая эту книгу, я посвящаю её всем женщинам (и мужчинам), кто к ней прикоснётся, найдёт в себе силы и желание заглянуть на страницы и взять с них для себя самое ценное и живое. Не будь вас всех, не было бы этой книги. Книга существует, пока её читают.

НУ, ЗДРАВСТВУЙ, МИР

Предположить, что будет с этой крошкой дальше, было практически невозможно. Кто же знал, какой станет её жизнь.

– Поздравляю! У вас девочка, – сказала доктор молодой маме.

Было видно, что только что родившая девушка расстроилась таким известием.

– Дочка? Но я так хотела сына, – ответила она и прикрыла глаза.

– Глупая, – прокомментировала акушерка, – ведь она всегда будет рядом. Всегда.

Моя история жизни началась с того, что ещё душой приняв свой земной урок, я выбрала под него и родителей, у которых и воплотилась в этом мире.

В конце июля 1981 года без боли и даже без схваток случилось мое лёгкое рождение. Моей маме было 17. Она-то и взяла на себя всю ответственность за будущее ребёнка и приняла материнство со свойственной ей великой силой и уверенностью в том, что у неё всё получится.

Мама рассказывала мне после, что она выросла и обретала со мной иную мудрость. Мне кажется, что у нас этот процесс шёл параллельно. Мы росли друг на друге. У нас обеих была задача – помогать друг другу проживать жизненные удары, о которых я расскажу в этой книге.

Рядом с мамой некоторое время была её свекровь, моя бабушка. Она старалась помогать, наставляя на путь благополучного материнства и подсказывая выходы из непростых ситуаций, казусных моментов, острых сюжетов этого женского ремесла. К сожалению, поддержки от своей мамы она тогда уже получать не могла. В то самое время моя вторая бабушка была тяжело больна. Её силы, как и внимание большинства родных, были отданы на восстановительный период после операции и химиотерапий.

Вероятно, именно из-за болезни маминой мамы и случился страстный, безрассудный роман моих родителей и моё внезапное появление у них. Они оба (моя мама точно) искали в жизни любви, убегая в чувства от одиночества и страха. Можно ли сказать, что им повезло встретить друг друга? Спрятаться в тёплых чувствах, подменяя ими болезненные – это, вероятно, выход из многих непростых ситуаций жизни. Другое дело, может ли быть продолжение у отношений, родившихся из точки боли и страха.

Расскажи, что ты помнишь из своего детства. Из того периода, где совсем ребёнок.

Помню, я относительно немного. Больше узнала из маминых историй о моём детстве, когда уже подросла. По словам родителей, я росла спокойным, относительно беспроблемным ребёнком. Мама любила рассказывать, что я из тех детей, которых можно было оставлять с игрушками на три часа подряд и потом забирать ровно на том же месте, где оставили. Она говорила, что я не утраивала истерик, не была требовательной, не предъявляла ожидаемые детские «хочу». Ещё я легко засыпала и спала всю ночь. Вероятно, уже тогда на духовном уровне понимала, что болезнь бабушки отнимает у мамы возможность уделять время детским капризам, да и любой заботе выше нормы. Я не требовала ласки и совместных игр. Да-да, вот такой получился маленький мудрец, не требующий особого внимания.

Папа же с моим появлением продолжал обучение, планируя в будущем стать моряком и ходить в рейсы на грузовых рыболовных судах. Уже в более взрослом возрасте мама делилась со мной женской своей правдой, что их любовь с отцом была ярко-огненной. Они падали безрассудно в объятия друг к другу, признаваясь в пламенных чувствах, и при этом же ссорились со всей самоотдачей. Во время ссор они бросались друг в друга всем, что попадалось под руку. Мама рассказывала, что однажды это было картофельное пюре. Когда же скандалы

затухали, они чувствовали себя самыми счастливыми, умея забывать и прощать. Их брак был построен на страсти и тех чувствах, которые способны испытывать только абсолютно неопытные супруги.

Закончив обучение, папа получил предложение уйти в первый серьёзный рейс. Мы с мамой, оставшись вдвоём, ежедневно навещали бабушку, чей процесс выздоровления шёл медленно. Но, несмотря на это, наша жизнь со слов мамы была размеренной и спокойной.

*

Это случилось в 1983 году, когда мне было два года.

В очередной визит к прабабушке меня оставили на кухне одну. Без присмотра мамы и близких. Придвинув табуретку к подоконнику, я взобралась на нее и наконец-то открыла шкатулку с лекарствами, которая так давно манила меня. В ней были и шуршащие упаковки, и блестящие обёртки. Как же любопытно было всё изучить и, попробовать на вкус...

Войдя вскоре на кухню, мама каким-то чудом успела поймать меня, падающую без сознания. Клофелин. Препарат, быстро снижающий давление.

Далее – скорая, реанимация. И несколько часов неизвестности.

В тот же день похожая беда случилась ещё с одной девочкой. Тоже клофелин. Потеря сознания и реанимация.

Ответа от врачей относительно моего состояния не было долгое время. Только спустя сутки в коридор, где ожидала моя утомлённая мама, вышел медицинский сотрудник:

– Вы мама девочки из реанимации?

– Да, – ответила бледная измученная мама.

– Сегодня утром одна из девочек умерла. Мы не смогли её спасти. Сильная интоксикация.

Господи, сколько же сил было дано свыше женщине, получившей в ту минуту такое страшное известие. Как ей было такое пережить? Не представляю, как вообще материнское сердце смогло выдержать такой натиск чувств.

У мамы случился психический удар, который проявился как полнейшее непонимание серьёзности сложившейся ситуации. Она словно не умещалась в её сознании и поэтому не была воспринята к сведению. То есть будто бы ничего не произошло, никто никому ничего не сказал, никто не умер.

Но на самом деле, трагедия произошла: девочка умерла, только не я, а другая, которая попала в реанимацию вместе со мной. Вскоре маме сообщили об ошибке, о том, что я жива, что моё давление и общее состояние стабилизируется. Была ли эта новость воспринята как счастливая? Не знаю. Из маминых историй мне не понять.

Что же это было? Урок потери? Не знаю. Для чего он был преподнесён мне и маме? Тоже не знаю. Но когда-то я или мы обе согласились его пройти. Вероятно, он был дан моим родителям. Несколько мгновений пережить осознание смерти ребёнка, а потом узнать, что состояние стабильное, что беда не зашла в дом. Что после этого приходит в жизнь к человеку? Что меняется? Скорее всего, у каждого что-то своё. Что было у моей мамы, я не понимаю. Да она и сама не может сформулировать. Наверное, это что-то, что выше слов.

Этот урок наша семья получила во время самого расцвета Советского Союза. Люди, как мне кажется, тогда иначе относились к подобным происшествиям: не воспринимали их как «подсказку» на жизненном пути. О духовной литературе мало кто знал, да и никто не расценивал какие-либо коварности судьбы как знаки, уроки.

Почему же это произошло именно со мной? Трудно сформулировать чётко. Говорят, что до 12 лет дети на себе проживают ошибки родителей. Возможно, я в какой-то момент устала слушать пусть и недолгие, но частые ссоры родителей и ушла через азарт попробовать новое лакомство в виде таблеток в бессознательное, таким образом показывая им, себе, да и всему миру яркое нежелание продолжать жить так, как живу. Детское здоровье – один из лучших показателей гармоничных или проблемных отношений между родителями.

*

Во время написания книги я изучала курс психосоматики, и сейчас могу с большей уверенностью сказать – та моя кома была вызвана семейными проблемами. Обсуждая со мной случай 1983 года, мама признавалась, что отношения с отцом именно тогда были на грани развода. Поэтому объяснить трагедию, случившуюся со мной, можно: я привлекла внимание родителей к себе, таким образом сохранив их брак.

*

Шло время, я неизбежно росла, а отношения между родителями ухудшались с каждым годом.

Снова и снова они принимали решение о разводе. Но всякий раз на сцене их жизни появлялась моя душа, сохраняя их брак. Неоднократные воспаления легких, больницы, антибиотики – всё это были рабочие инструменты моей души.

Но и я не всеильна. В 1986 году мои родители всё-таки развелись.

Мама начала учиться жить без отца, а он вернулся к бабушке, то есть к своей маме. Почти каждые выходные я проводила в гостях у бабушки и отца. Только благодаря ей у меня и оставалась возможность его видеть. К папе я испытывала безграничную любовь.

Каждый раз, когда выходные подходили к концу, я возвращалась к маме с тяжёлым сердцем. Я всё время думала о том, как было бы здорово жить всем вместе. Словно забыв об их разногласиях, я не осознавала, что возобновление семьи было бы хорошо только для меня, и то до первых повторов ссор. Они же – взрослые люди, которые так и не смогли договориться. Не смогли ужиться. Понять и принять друг друга. Мне казалось, что такого быть не может, или я просто забывала подумать об их чувствах. Лишь опиралась на свои, проявляя здоровый детский эгоизм.

Я любила отца всем своим существом. Любила его сильные руки, доброе сердце, чувство юмора. Любила искрящуюся улыбку, которая появлялась на его лице всякий раз, когда мы встречались. Я просто обожала, когда он подкидывал меня вверх. Так тепло и спокойно мне было с ним. Мне нравился его простой взгляд на жизнь.

Таких людей в стране, где я родилась, называют «душа нараспашку». Все заработанные за месяц деньги он мог отдать кому-нибудь в долг по просьбе друзей. Кого-то вызывался спасать даже посреди ночи. А еще, что тоже точно в его стиле – мог выйти на улицу с мусорным ведром и вернуться обратно только через трое суток. Он путешествовал в своих мирах и попутно предавал дом своей семье: захаживал к другим женщинам, заводил с ними мимолётные связи, о которых знала моя мама. И, как я понимаю, сильно страдала. Он был добрым человека. Он жил не для себя, а для всего мира: кому-то помогал, с кем-то общался на важные для них темы, кого-то «спасал» иллюзией отношений. Видимо, ему казалось, что кому-то он был нужен сильнее, чем домашним, с которыми жил.

Заграничные диковинки, которые привозил маме, он с легкостью раздавал без её согласия жёнам друзей и приятелям. Словом, мог снять с себя последнюю рубашку только потому, что в ней кто-то нуждался больше, чем он. В этом и есть суть благотворительности: отдать своё тому, кому нужнее.

Отношения родителей длились всего 7 лет. Когда я смотрела на их семейные фотографии, мне казалось, что они созданы друг для друга. Но они своей жизнью распорядились иначе. Инициатором развода была всё-таки мама, но главной причиной стали папины «шалости».

Через некоторое время после развода мама встретила другого мужчину, за которого также стремительно вышла замуж. Они ждали появления на свет моей сестры.

МАЛЕНЬКИЙ МУДРЕЦ

Пришло время, и у меня открылась способность возвращаться в любой период своей жизни, задавать вопросы себе, вести диалог «взрослой Кати» и «Кати-ребёнка». В этом мне отчасти помогла школа психосоматики. Она же именно про состояния и объяснение их природы. Оглядываясь, погружаясь в прежние состояния, считывая ощущения в них телесно, я осознавала их по-новому.

Диалоги эти открывали для меня новые уровни восприятия событий прошлого. Они же научили находить в них зёрна мудрости и лучики прохождения уроков, на которые я опиралась, шагая по жизни. Если мне начинало казаться, что я не справлялась с полученными озарениями или со степенью сложности ситуации, психотерапия со специалистом помогала вернуться в самые тяжёлые моменты, чтобы проработать и их. Даже в такие, куда не пускало мое собственное сознание.

Так создавалась эта книга. Я стала записывать свои истории в форме диалогов, чтобы смотреть на них со стороны, но при этом быть и в них погружённой. Эта книга помогла мне справиться с детскими травмами, а также с теми, которые я пережила уже взрослой.

Вспомнила об искусстве маленьких шагов и об искусстве верно заданных вопросов, и отправилась в неспешный путь. Изучая психосоматику, я особо не стремилась стать специалистом в этой области, хотя однажды, признаюсь, такое желание закралось. Но для начала я просто изучала механизмы человека, его естественной природы и то, как они влекут за собой ряд жизненных сложностей, которые мы привыкли называть проблемами.

Давай вернемся в твои почти шесть лет. Что ты чувствовала, когда родители развелись? Ты помнишь этот период? Чем он был для тебя?

С раннего детства я чувствовала, что наделена особой осознанностью, и как я думала ранее – именно она не дала вырасти и окрепнуть моей обиде на родителей. Видимо, я понимала чуть больше, чем мне показывали, и чем могут воспринять дети моего возраста. Через осознанность я научилась смотреть глубже, хотя, конечно, взгляд сквозь картину жизни – дело невесёлое (для тех, кто захочет попробовать).

Очевидно, что и развод родителей я переживала очень глубоко. Помню такой момент: в гости пришел папа, между родителями начался какой-то разговор. Я была в это время в другой комнате. И почему-то я осознавала, что выйти из комнаты прямо сейчас, во время их разговора, нельзя. Тогда, как сейчас вижу, я была похожа на себя нынешнюю: более спокойная, сдержанная и умеющая ждать. Что-то включилось во мне, и я перестала быть ребёнком. В одно мгновение. И, кажется, это было именно в тот вечер, когда родители снова выясняли отношения за неплотно закрытой дверью соседней комнаты. Это было как перевоплощение души. Я помню именно ту точку отчёта: была Крошка-Катя и тут из неё сотворился Маленький Взрослый.

В возрасте шести лет мне удалось чётко понять, что нельзя «прямо сейчас», даже если очень хочется, например, подойти к папе, прыгнуть ему на руки, крепко обнять и сказать, как я скучала. Да. Я не умела быть ребёнком. Но обладала особой слабостью, точнее, хрупкостью: не умела сдерживать слёз, хотя и стыдилась их каждый раз. Расставаясь с папой и бабушкой после моих недолгих и нечастых к ним визитов, я глотала слёзы и отворачивалась, лишь бы никто не увидел моего отчаяния от приближающегося одиночества и тоске по ним.

Как развивались события дальше. С рождением сестры жизнь ещё раз радикально поменялась. Я почувствовала новое напряжение в нашей тогда уже иной семье. Младенец плакал без конца около девяти месяцев подряд. Дни и ночи напролёт. Всё потому, что при рождении она получила травму шейных позвонков и это ей, видимо, сильно мешало жить. Возможно, у нее постоянно что-то болело, но справиться с болью она не могла, и поэтому безутешно плакала.

Моя новая семья состояла из мамы, сестры, отчима и меня. По выходным к нам навещала моя новая бабушка (мама отчима). Сказать, что я капризничала или демонстрировала какую-то неприязнь, не могу – не помню точно, что между нами тогда происходило. Могу лишь утверждать, что доброжелательность и открытость во мне была проявлена с раннего детства. А сейчас я осознаю, что всё-таки не приняла новую семью, но умело делала вид, что всё в порядке, стыдясь показать свои истинные чувства.

Мы жили в военном городе Севастополе. До 1985 года он был закрытой базой Черноморского флота. Поток иногородних гостей начался здесь ближе к 90-м. Я очень любила, когда к нам заезжали московские родственники. Они разбавляли обстановку. С ними были иные разговоры, впечатления. Почему-то именно и только с ними становились возможными долгие и интересные прогулки по морскому городу, мороженое в уютных кафе, дельфинарий и много детских интересностей, которых мне так не хватало в жизни с родителями.

С детства мне было интересно слушать разговоры взрослых, особенно беседы мамы и её подруг. Уже тогда из их бесед я впитывала убеждения об извечных проблемах во взаимоотношениях мужчины и женщины, о «судьбе-злодейке» и жизненных тяготах. Мама говорила, что я была похожа на маленькую старушечку – тихо сидела рядом и внимательно слушала каждую историю.

Я знала о проблемах между мамой и отчимом, об отсутствии взаимопонимания между ними и о том, чем это было вызвано. Дело в том, что моя новая бабушка часто вмешивалась в нашу семью: наводила свои порядки в шкафах, выливая приготовленную мамой еду в унитаз (чем очень обижала маму и вводила в недоумение отчима). Кроме того, она кормила мою маленькую сестру «вкусняшками Советского Союза», отдавала ей всё лучшее, чем демонстрировала своё пренебрежение мной. В холодильнике была полка для сестрёнки Анюты, и я с любопытством, свойственным ребёнку, иногда заглядывала украдкой в надежде обнаружить там что-то и для меня.

Мы жили хорошо, но не шикарно. Мама работала в военном училище, отчим служил по контракту в армии. Большая часть денег уходила на то, чтобы прокормить большую семью. Во времена перестройки, когда зарплату могли задержать на четыре месяца, побаловать нас всякими вкусностями не удавалось. Каким-то чудом у нас дома они водились, эти детские радости, но с запретом для меня.

Между тем, мы с Аней проводили много времени вместе, и между нами вместо ожидаемой сестринской дружбы росла лютая женская ненависть. Я наблюдала, как год за годом лучшее доставалось ей. Я не могла этого не замечать. Обо мне говорили, что я уже взрослая и, наверное, именно поэтому мне было не положено. Ну а я в возрасте 9—10 лет отказывалась понимать, почему всё так: почему ей сладости, а мне ничего, почему ей сюрпризы и подарки, а я в стороне. Получалось, что она ребёнок, а я нет?

А радость? Была ли в твоей жизни простая детская радость? Могла ли ты её замечать и принимать?

Поездки к бабушке (маме отца) на выходные были для меня основной радостью. Я была ее маленьким «воробушком». Когда мы встречались и оставались вместе, я получала любовь в избытке. Любви у бабушки было море и океан. Объятия, вкусная еда в фирменном исполнении: пирожки, напечённые специально к моему приезду, вафельный торт со сгущенкой. И уютные мелочи, которыми я так дорожу по сей день: тёплый плед и детское кино, которое включали специально для меня. Как же мне было это важно.

Бабушка была учителем истории. Её рабочая одежда, туфли на каблуках, строгие очки мне импонировали. Я обожала перевоплощаться в учителя. А она меня в этом поддерживала и позволяла трогать любые её вещи. В её доме для меня царил другой мир, в котором мне были рады, где я была настоящим ребёнком. И в нём мне разрешали делать практически все.

Я возвращалась домой и уже с понедельника начинала ждать пятницы, чтобы поскорее снова увидеть бабулю. Но отчего-то именно по пятницам, в тот самый ожидаемый день недели, я начинала чувствовать легкую грусть и жить иллюзией: «Если бы мои родители снова сошлись, я была бы самым счастливым ребёнком. Мама и папа снова стали бы для меня одним целым». Тогда я, конечно, и думать не могла о том, что это будет ценой несчастья моей сестры.

Однажды мама по очень большому секрету, когда я, по её мнению, стала уже совсем взрослой, доверила мне историю о том, что у них с папой был период, уже после рождения моей сестры, когда они хотели снова сойтись и быть вместе. Оказалось, что долгие годы они, хоть и продолжали каждый жить своей жизнью, но лелеяли надежду исправить ошибку разлуки. Правда, так и не сумели принять это решение.

Как оказалось, в возможность возобновления их отношений вмешивалась та самая любящая бабушка, мама моего отца. Она и послужила препятствием на пути их возрождающейся любви, не допустила воссоединения между родителями.

Что она делала? Вела с папой строгие разговоры на повышенных тонах, предъявляла материнские увещания, запреты. Повторяла вслух яркое сомнение, что может что-то получиться и сыпала ненужными напоминаниями о плохом. Подсвечивание слабых сторон каждого в паре неизбежно привело к окончательному краху отношений моих родителей. Сама я не была свидетелем подобных сцен. Но по обрывкам разговоров и некоторым тонким воспоминаниям, я могу о них догадываться.

Словом, уговорами, «мытьём да катаньем» можно отговорить кого угодно от чего угодно. И у бабушки получилось. Родители так и не сошлись. Каким был на тот момент её мотив, так и осталось тайной для меня. Это удивительно, потому что, как мне казалось, она невероятно сильно любила мою маму.

Другой радости в моей жизни не было. Не могу, во всяком случае, таковой припомнить. Кажется, я только и жила от ожидания до меланхолии, переходя из месяца в месяц, из года в год.

Давай переместимся ещё годом раньше? Картинка пятилетней тебя пришла. Помнишь ли, что огорчало тебя, хрупкую девочку, в этом возрасте?

Начну с воспоминания о том, что «маленького мудреца» внутри себя я повстречала в очень раннем детстве. Кажется, именно с 5-ти лет. Это случилось сразу после развода родителей.

Когда мне говорили: «нет», я не спрашивала: «А почему?». Я ведь точно знала, что «нет» не изменится на «да». Я понимала, что мамино слово неизменно.

Когда наказывали (как я считала, несправедливо), я терпеливо оставалась в комнате с теми, кто меня, не жалея сил, плотно и подробно отчитывал за какой-либо мой поступок.

Дождаясь окончания этого процесса, я не топала ногами, не выпрашивала прощения, как это бывает у других детей, а просто проживала то, что предлагала ситуация. Наблюдала.

Однажды меня отругали всего-навсего за игры с сестрой, а именно за её звонкие детские визги, которые она не могла сдерживать, чем докучала взрослым. Тогда я просто посмотрела на них с умилением, мол: «Вы чего, первый раз детей увидели?» Им словно было невдомёк, что дети шумят, играют. Мешают им жить? Возможно. Или просто существуют в своём особом режиме.

Частенько в острых ситуациях я понимала, что лучше помалкивать. Так как если я защищалась, например, давая отпор маленькой сестре, она начинала несносно визжать. Буквально через мгновение врывалась в комнату мама, и от неё мне попадало в два раза сильнее, чем от сестры. Поэтому, когда Аня кусалась или просто кричала без причины, чтобы меня наказали (это ей почему-то доставляло особое наслаждение), я старалась сидеть на том же месте, где меня заставляли её капризы, быть тихой и спокойной. Надо заметить, что эта стратегия срабатывала: мама видела мой покой, понимала, что я ни при чём и не ругала меня. Если, конечно, успевала сдержаться от волны усталости и нетерпения.

Меня очень огорчала несправедливость. Сильнее всего именно она ранила и оставляла осадок, что со временем оставило глубокие следы на сознании. Если я говорила, что не обижала сестру – мама почему-то редко мне верила и считала нужным наказать, а не разобраться. Я её отчасти понимаю: накричать на спокойного ребёнка всегда проще, чем на буйствующего. Есть вероятность, что спокойный ребёнок так и останется тихим, несмотря ни на что. А вот докричаться до визжащего человечка, чьи эмоции зашкаливают и так – непростая задача. Но выплеснуть негодование нужно. Оно же накапливается. Вот и выбирают того, кто безопаснее. Даже из детей.

Я проживала каждое наказание от мамы как несправедливость, так и не сумев объяснить ей свою непричастность, хотя и старалась. Казалось, она меня не слышит. Это отразилось на формировании моего характера: зародилось и начало стремительно развиваться осознание личной дефектности «Меня не слышат».

– Предлагаю вернуться в воспоминания, где тебе 9—10 лет, Ты говорила, что сестра тебя обижала. В такие эпизоды ваших с ней отношений, что тебе хотелось сделать больше всего?

– Припугнуть её, только и всего. Оттолкнуть от себя подальше, чтобы больше не лезла ко мне со своими визгами и капризами. Или, наверное, даже дать сдачи!

– У меня есть для тебя неожиданное решение. Сходи к ней прямо сейчас в своём воображении, в воспоминаниях. Возьми её за шкирку, как провинившегося котёнка: не ласково, но и не слишком грубо, и скажи уверенным тоном, что если она ещё раз подойдет к тебе и устроит какую-нибудь гадость, предположим, завизжит на пустом месте, ты с ней что-то сделаешь. Например, отведёшь в незнакомое место или оставишь одну в самом страшном лесу.

Я прикрыла глаза и увидела предложенную картину. Дышала глубоко. Взяла времени столько, сколько мне было нужно. Через некоторое время я вернулась в реальность. Открыла глаза.

– Сказала. Она сразу ушла. Воспоминание очистилось. И сестра Аня в нём выглядит, как я заметила, спокойнее. Больше не трогает меня.

– Давай теперь снова оглянемся. Сделаем это вместе. Проанализируем новую картинку вашей с ней жизни. Какие сейчас, после того, как ты дала ей отпор, между вами отношения? Поменялись ли твои ощущения относительно вашей с ней ситуации?

– Да. Я даже удивлена, но появилось явное ощущение тёплой дружбы. Она теперь ко мне будто бы с лаской подходит, добрые слова говорит. Всё иначе теперь.

Я росла в маминой строгости, наверное, не всегда в той справедливости, которую мы ждём от взрослых, на которую рассчитываем. Мамина жизнь тоже не была простой. Их отношения с отчимом постепенно накалялись. По моим наблюдениям и оценке, их семья была лишена гармонии. Как говорят в Австралии: «Happy wife – happy life» («Счастливая жена – счастливая жизнь»), – и это точно не про мою маму и её замужество. Хотя тогда, как мне кажется, и понятий-то таких не было: о счастье, благополучии, наполненности женщины.

В тот же период отношения мамы и с моим отцом накалились ещё больше. У них оставались неразрешённые вопросы, и мирного их решения ждать не приходилось. Все были на взводе. Чтобы хоть как-то снимать напряжение, но вряд ли осознанно, мама прибегла к мести: не давала бабушке (маме отца) встречаться со мной. Меня она, конечно, о желании проводить время с бабушкой не спросила. А мне очень хотелось видеться с ними хоть иногда.

В итоге этот родительский непрекращающийся конфликт перешёл в «военные действия», и бабушка стала в них «партизаном» – навещала меня тайно в школе. Приходила тихонько, чтобы просто повидаться, побыть со мной. Я уже тогда всё это хорошо понимала.

Этим запретом дело не ограничилось. Мама отгоняла от меня вообще всех, кто хотел проявить ко мне родственное тепло с папиной стороны. Получилось, что я была её единственным козырем. Что же до моих чувств... похоже, о них позабыли. Таков был на тот момент путь каждого из нас.

Отношения, которые складывались у меня с новым «папой» и его мамой, привели меня к первой настоящей ненависти. Я с чуть ли не первых месяцев их совместной жизни презирала отчима за непорядочное отношение к маме.

Моя новая бабушка – «рыжая кошка», так сын её называл, – не питала уважения к нашей семье, но яростно желала навещать в неё и настаивала на этом. Видимо, чтобы (пусть и насильно) поделиться накопленными знаниями, опытом и наверстать упущенную возможность воспитания «детей». Эта потребность живёт во многих женщинах её склада просто на инстинктивном уровне. Она почему-то была уверена, что без неё не справятся.

И мой отчим, не сумев защититься свою жену перед матерью, не сумев дать ей сыновний отпор, был вынужден отступить перед её желанием приехать в дом. Дом, который, надо заметить, принадлежал не ему, а его жене, то есть моей маме. И каждые выходные наше и без того не тихое жилище будто бы опоясывалось накалёнными проводами в ожидании её приезда.

Мне до сих пор непонятны их весьма странные отношения матери и сына. Я наблюдала за ними, недоумевала. Например, она могла по своей прихоти забрать его внезапно (как вещь какую-то) и увезти на дачу. Моя мама была вынуждена в это время оставаться с двумя детьми одна. Видимо, для их семьи это было нормой: «Мне надо, я делаю. И делаю это прямо сейчас!»

Или она могла позвать моего отчима, то есть своего сына в ванную комнату, когда сама принимала там ванну, и попросить его потереть ей спину. На мой взгляд, слишком близкие детско-родительские отношения. Скорее уж, как между мужчиной и женщиной. Не находите?

Стоит упомянуть и о ежевечерних отчётах по телефону: кто что делал, чем занимался в течение дня, чем питался и так далее. Долго, с ненужными подробностями и затяжными обсуждениями несущественных вопросов.

В ответ на «рыжую кошку» она называла его «котом».

Позже в свои обязательные ритуалы контроля она включила проверку полок в шкафу, сопровождая процесс тщательным допросом: что именно и для чего было куплено моей мамой за последнюю неделю? Она высказывала, насколько, по её мнению, качественно постираны носки, достаточно ли белоснежны майки и, конечно, хотела видеть полки в идеальном, хирургическом порядке. Не преувеличу, возможно, если предположу, что всё требовалось разложить по цветам (спасибо, что не в алфавитном порядке).

Новая моя бабушка была женщиной непостоянной, с неустойчивой психической организацией. Единственное, что в ней я наблюдала стабильно – это претензии к маме, и непонятное мне дозволение чрезмерного употребления алкоголя своему сыну.

И надо же было маме согласиться пройти этот урок. Я же, как ребенок, желающий разделить боль мамы, люто возненавидела весь этот «кошачий выводок»: и «рыжую кошку», и «кота».

Мои отношения с сестрой Аней – ещё один урок того периода. Возможно, один из главных моих уроков вообще. Вероятно, никто кроме неё не научил бы меня так твёрдо давать отпор. Это был мой «первый уровень» в игре: «Выбирай себя». Аня стала моим проводником в эту плоскость жизни. Урок я проходила медленно. Каждый раз, проживая новый конфликт с сестрой, я терпела фиаско и всё больше закрывалась от неё, от себя, от мира. Я помнила свои провалы, и это укоренялось в моём сознании: если меня не слышит мама, значит, не услышит и сестра.

Только сейчас, спустя годы, я готова переписать каждый эпизод той жизни в позитивном ключе, забрать из него силу и опыт негатива. И теперь я понимаю, что неважно, слышат нас или нет близкие люди по другую сторону экрана нашей жизни, главное – всё-таки сказать, выразить себя. И я благодарна родной и любимой сестре за многое, в частности, за то, что уже в возрасте 3—5 лет она, провоцируя конфликты, неосознанно учила меня выбирать себя.

*

Внимательный читатель уже понял, что я начала работать над книгой, собирая обрывки прошлого, анализируя происходившее в моём доме, но не сужая всё это до личных переживаний. Ведь одна семья вполне может стать отражением всей эпохи. Мне кажется, моя – именно такая. Поэтому я о ней здесь и рассказываю. В подробностях и деталях.

Опираясь на события прошлого, я вспоминала разговоры с близкими людьми и начала анализировать свое детство, а на его фоне – воспитание детей в постсоветское время в целом.

Что предстало передо мной ярче всего, так это царившее тогда повсюду унижение личности человека, устранение индивидуальности, своего мнения и навязывание с самого раннего возраста чужих мнений под предлогом, что эти мнения единственно правильные.

Тогда господствовали ущемление детских интересов, жесткость и грубость со стороны школьных учителей. Их методы воспитания и преподавания будто бы были заточены на остановку развития личности. Возможно, оттуда пошла мода покидать школу в ранних классах. Живые души талантливых детей не выдерживали тисков системы и рвались прочь из стен учреждений, дабы уберечь себя от шаблонизирования и превращения в «серую массу».

Часто учителя прямо во время уроков делали детям несправедливые, вызванные личным раздражением замечания, при всём классе унижали учеников, указывая на незнание материала, что, вообще-то, норма для ребёнка, для развивающегося человека. Вызов к доске становился настоящим испытанием, когда потели ладони и пульсировало понимание приближения возможного провала, которое повлечёт высмеивание всем классом во главе с учителем.

Похвала? Разве она была? Могли отругать и наказать за плохие оценки, а признать старательность – крайне редко.

И я росла в семье, где придерживались строгих правил. Когда собирались гости, за столом места для детей не были предусмотрены. Даже находиться в одной комнате со взрослыми считалось неуместным, поскольку велись разговоры «не для детских ушей». То ли это специфика семей, где деды и прадеды служили на флоте, и офицерская жизнь вносила свои коррективы в воспитание девочек. То ли мир тогда отказывался, а сейчас, уже в наше время, согласился дать детям ощущение равноправия и заслуженного присвоения личности с ранних лет. Я же росла с ощущением и пониманием, что личностью я стану лишь в 18 лет. Когда и получу право голоса.

Разве было позволено тогда детям иметь своё мнение? Сомневаюсь. Не в моих кругах уж точно. Возможно, поэтому у людей моего поколения тянется из детства заниженная самооценка, вместе с невозможностью уметь брать ответственность за свои поступки. Ведь мама и папа велели делать именно так и послушаться их ни в коем случае нельзя (иначе скандала не избежать). И мнение своё выразить нельзя, но и кто во всём виноват, становится ясно – конечно, тот, кто сказал, что делать.

Отношения с мамой после рождения сестры изменились? Что особенного ты можешь отметить сейчас?

Я была лёгкой для мамы. Точно помню, что стремилась такой быть. Вероятно, и мама это подтвердит, когда прочтёт книгу.

Считаю, что мою лёгкость, то есть «не хлопотность» спровоцировало осознанное желание не причинять маме дополнительную боль. Я видела, что боли у мамы и так было предостаточно. Какая-то прилетала со стороны её нового мужа, какая-то – от анти-бабушки. Мне, как любящему ребёнку, было тяжело это видеть. Поэтому я из кожи вон лезла, чтобы ни в коем случае не расстроить лишний раз маму своим поведением, капризами и непослушанием. Хотя сомневаюсь, что есть дети, которые хотят расстраивать маму, скорее, делают это не специально. А ещё точнее: специально не прикладывают усилий, чтобы не доставлять новых хлопот. Просто живут, как хотят. Я так не могла.

– Давай посмотрим глубже и выясним, откуда у тебя боязнь расстраивать маму?

– Я знаю об этом сама. Ещё будучи нерождённой, я вместе с мамой пережила сильный стресс, который отпечатался болью и у меня. Не телом, возможно, но сознанием, я понимала, как это тяжело переживать. И тогда «записала» в себе: «Не повтори этот опыт», «не спровоцируй эти муки». Дело в том, что примерно на 6—7 месяце маминной беременности папа перестал быть ей верен. Надолго пропал из дому. Она плакала по ночам, волновалась, думая, что с ним что-то случилось. Я тоже всё чувствовала, мне так же было больно в утробе. С тех пор, вероятно, для меня «разделить с мамой боль» означало спасти её полностью от проживания боли.

– Попробуй, пожалуйста, прямо сейчас, в воображении, визуализируя образы, отдать маме её боль. Давай вспомним и поверим в то, что на самом деле это не твои переживания. Что мама – взрослая сильная женщина, которая сама может разбираться с этим. Твоя же задача, вспомни и об этом: просто расти и гармонично развиваться в утробе. Повторяй себе, возвращаясь в утробные переживания: «С мамой всё хорошо. Сейчас и всегда. Она проходит свои уроки». Поверь целиком и полностью в неё. Будь за неё спокойна, как за себя. С ней Бог и все Высшие силы.

– Хорошо. Я вижу эти картинки и образы. Слышу слова, которые ты говоришь. Повторяю. Но так больно... Мы словно связаны канатами, и боль в этой связке побеждает. Когда-

то я пообещала маме всегда делить с ней горе и радость пополам, – я дала волю слезам. – Я хочу признаться, что не хочу отпускать маму! Не хочу.

Я дала себе немного времени. Столько, сколько мне было нужно. Я сделала вдох. Ещё один. Ещё один громкий и отчаянный, вбирающий все энергию всех сил, которые согласились мне сегодня помочь... Ещё минута: «Я отдаю маме её уроки. Отдаю».

Шли годы. Новая мамина семейная жизнь омрачалась ссорами и конфликтами. Отчим получил серьёзную травму головного мозга. Прележал больше недели в коме. В результате образовалась гематома, которая в сочетании со спиртным (он продолжал злоупотреблять), всякий раз давала о себе знать.

Врачи Московского института нейрохирургии, где он наблюдался после травмы, запретили ему употреблять алкоголь в любых дозах. Но поскольку моя анти-бабушка работала технологом на коньячном заводе, выпивки в доме было в изобилии. Странно было не пользоваться такой свободой, верно? «5 звезд», «4 звезды» – в любом количестве и, вероятно, хорошем качестве, стояли на наших полках постоянно. И, хоть это было недопустимо для его здоровья, но, однако, было то, что было: он пил, выпивал, злоупотреблял до полной потери рассудка. Если бы не «звёзды» на полках, кто знает, как бы всё сложилось.

Презрение моё к отчиму нарастало. Меня страшно расстраивали их взаимоотношения с мамой. Она кричала на него каждый раз, когда он притрагивался к спиртному, а случалось это частенько. Его это, конечно, злило. Так назревали и выходили на волю яростные скандалы. Атмосфера для роста двух девочек, прямо скажем, специфическая.

Когда формировалась моя внутренняя женщина, я осознала, что примера счастливой семейной истории так и не увидела. Кроме того, из-за постоянных ссор между взрослыми я безумно боялась, что стану для них дополнительной обузой. Я не допускала даже мысли о том, что я могу расстроить родного человека. Поэтому ни о каких детских или подростковых выходках, особых желаниях и речи быть не могло. Я закрыла себя, заставила себя молчать обо всём. Я игнорировала многие свои потребности. Контролировала в себе желание жить и раскрываться, как могла. И в переходном возрасте – 14—16 лет – стала не в меру крепкой, твёрдой в чувствах и проявлениях. Слова поддержки я высказывать ещё не умела и всё, что могла – не докучать маме.

Конец их семейной истории настал, когда отчим, выпив очередную лишнюю рюмку, встретился с безжалостной непроходящей панической атакой. Ему мерещилась дикая опасность, и он отчаянно бушевал, охваченный ужасом. Мы с маленькой сестрой оказались ключевыми фигурами в его психической драме, в результате которой нам пришлось просидеть полночи под дулом газового пистолета. В ту ночь он кричал что-то невменяемое, а я, хоть и была ребёнком, увидев оружие, поняла, что вести себя нужно ещё тише, чем обычно.

Отчим питал особую страсть к оружию. Такого вида пистолет был разрешён для домашнего хранения с целью самообороны. От кого только он оборонялся в ту ночь, мы не знали. Но пережить настоящую угрозу он нас заставил. Как бы мы ни старались относиться к происходящему несерьёзно, напоминая себе, что перед нами близкий человек, вряд ли этот эпизод остался незамеченным психикой.

Всё это происходило в неизбежный трансформационный период для нашей и без того хрупкой семьи. Мама много работала, подолгу отлучалась в командировки. Дедушка выдвигал свою кандидатуру на пост мэра города. Его ждал новый этап в карьере. Вся семья сплотилась для перехода.

Были 90-е. В те времена частенько семьи кандидатов подвергались опасности, рэкетирским нападениям с целью запугать или шантажировать преуспевающего кандидата. Ведь шансы на победу были высоки. Кто-то увозил семьи в другие города, а кто-то препятывал родных по разным секретным адресам. По всей видимости, у отчима тогда сработал инстинкт охранять семью. Впрочем, о его целях я могу только догадываться. Чего он хотел: застрелить нас с Аней, чтобы защитить себя, или, может быть, уберечь таким образом нас от врагов – непонятно. Он повторял скороговоркой, перебивая сам себя, что никто из нас не может чувствовать себя в безопасности нигде и никак. И настойчиво размахивал псевдо-револьвером.

Думаю, обнажившаяся травма его души, представшая перед всеми нами в полный рост, его безумное поведение той ночью, наконец-то открыли маме глаза на многое. И ей ничего не оставалось, как принять окончательное решение о неизбежном разводе. Далось оно ей непросто. Было много разговоров об этом. Долгие ссоры и примирения. Но время пришло, и они расстались навсегда.

Несмотря на то, что мама осталась без мужчины, я ни капли об этом не сожалела. Мне было жаль только младшую сестру. Я понимала, что ей приходилось переживать. Потому что сама прожила это когда-то и чувствовала её эмоции через личный опыт. После я видела отчима ещё раз пять. А для сестры он оставался хорошим папой до конца своих дней. За что я ему благодарна.

НЕОСОЗНАННАЯ ОСОЗНАННОСТЬ

– Поговорим о твоей юности: о школьных днях, о друзьях, которые шли с тобой по жизни. Верно ли, что от тех, кто находится рядом с нами продолжительное время и вне дома, также зависит наше развитие — личностное, душевное и духовное?

– Поговорим.

В средней школе я была не самой лучшей ученицей. К примеру, алгебра, геометрия и другие точные науки мне давались не слишком легко. Любимыми предметами были русский язык и литература. Учитель по этим предметам, Любовь Андреевна, была строгим, требовательным, но очень глубоким преподавателем. На её уроках я чувствовала себя увереннее, чем на других. Слушала её материал с интересом. Наверное, и любовь к сочинительству пришла ещё в те годы. Любовь пришла через Любовь, или – благодаря ей.

Под конец учебного года в девятом классе к нам перевелась из другой школы девочка. «Новенькая». Её семья переехала в Севастополь. Мы быстро подружились и стали сидеть за одной партой. Первый шаг большой дружбы и целой эпохи для нас обеих. Мой первый взгляд на неё, когда она показалась в кабинете... Не помню, почувствовала ли я что-либо в тот момент, но это был день начала нашей с ней личной «саги», которая длится до сих пор.

Аня была лёгкой в общении. Понимала меня, поддерживала мои интересы. С первых дней нам казалось, что мы знакомы вечно. Разлучаться нам не хотелось вовсе. Выходные дни и время после школы мы проводили вместе. Иногда делали вдвоем домашние задания. Иногда готовили еду: в основном, наш фирменный омлет. Красили волосы в цвет темнее естественного, который добавлял немного возраста нашим школьным образам. Мы делали это для мнимой взрослости. Удивительно, как сходились наши желания. Например, мы обе хотели скорее вырасти и стать самостоятельными: коррекция стиля, разговоры на серьёзные темы, ответственные поступки. Мы легко делали самостоятельно без напоминания и контроля все уроки – не такое уж частое явление в старших классах. Поддерживая друг друга, мы старались учиться как можно прилежнее, подсказывали друг другу сложные моменты в любимых предметах.

Мы искали и находили друг в друге то семейное тепло, которого нам не досталось дома.

Мы часами болтали по телефону обо всём на свете: личных переживаниях, любопытных наблюдениях, граничащих со сплетнями, творческих находках. А как мы волновались друг за друга, ожидая звонков от мальчишек из класса!

Через какое-то время в её семью пришло несчастье. У её мамы подтвердился неутешительный диагноз: онкология. Началось лечение химиотерапией. Папа моей подруги был чутким человеком, трепетно ухаживал за женой, пока она была дома, а когда её перевели в госпиталь, навещал её там вечерами после операции и изнурительного лечения.

Когда я только узнала папу Ани, то подумать не могла, что он окажется таким внимательным мужем. С виду он казался мне суровым и жёстким. Хотя помнится, когда он видел нас с Аней, гуляющих или сидящих за чаем на кухне, на его лице появлялась улыбка и, как мне кажется, сердце его наполнялось радостью.

Сейчас понимаю, что ноша его была не из лёгких. Из рассказов подруги я знала, что он служил в авиации Черноморского флота. Большая часть его армейской жизни прошла в гарнизонах: бесконечные переезды, смена домов, квартир. В мире, где каждому человеку так нужен покой и своё гнездо, он был словно перелётной птицей, которая находилась там, куда её хоть и добровольно, но без особых вариантов заносила жизнь.

Ничто не длится вечно. Когда семейная жизнь почти устаканилась, они получили долгожданную квартиру и переехали в Севастополь, где их ждали не долгожданное успокоение и отдых, а испытание тяжёлой болезнью мамы моей подруги. Замечу, что она (мама подруги) была женщиной довольно-таки жёсткого нрава, и с Аней часто обращалась твёрдо, если не сказать грубо, видимо, исполняя роль «семейного полководца».

Но ко мне всё время нашего с Аней общения её мама была доброжелательна. Ласково здоровалась, приглашала на чай. С заботой и теплом отправляла нас вдвоём за покупками на рынок, при этом частенько добавляла денег на мороженое. Добрый жест. Вспоминаю с нежностью до сих пор.

В их доме пахло свежей выпечкой или только что приготовленным жарким. В их семье, как и в нашей, было двое детей. У Ани был ещё старший брат. Окончив высшее военное училище, он по распределению попал в Северный флот. Впервые я увидела его почти сразу после знакомства с Аней. Он прилетал домой в летний отпуск, так мы и познакомились. Это была короткая, мимолётная встреча.

Однажды мама Ани, видимо, в шутку, сказала, взглянув на меня: «Вот бы нам такую невесту для сына». Помню, как меня смутила неожиданность этих слов. Я залилась краской, опустила глаза. Но почти сразу нам всем стало смешно. Позабавила нас эта милая шутка.

К моему огромному сожалению и к большому несчастью для всей семьи, жизнь Аниной мамы врачи сохранить не смогли. Ни операция, ни химиотерапия не помогли ей остаться с нами. Через полгода изнурительной борьбы врачей и бесконечной поддержки семьи, её всё-таки не стало. Это была трагедия. Из семьи ушёл тот стержень, на котором многое держалось. В моей душе поселилось огромное сострадание ко всей семье Ани.

Когда мы боимся за кого-то, то, не осознавая этого, боимся за себя. С состраданием дело обстоит чуть иначе. Оно, скорее, поддерживает тех, кому мы сострадаем. Снимает с них частичку боли. Но в той ситуации я на мгновение подумала, что тоже могу потерять маму, и едва не лишилась рассудка от этой мимолётной мысли. Настолько она была тяжела для меня. Я ужасно испугалась и буквально дрожала от ужаса, представляя себя на месте осиротевшей подруги.

Почти сразу после случившегося я почувствовала невероятную близость с Аней. Мы и так были открыты друг для друга: у нас не было секретов, мы не соперничали, не выпендривались. Но со дня трагедии наша дружба стала ещё более великой и самой крепкой, какая только могла для нас обеих существовать. Мы доверяли друг другу абсолютно всё и стали подержкой, теплом, заботой друг для друга.

Однажды, возвращаясь со школы, мы в шутку обсуждали наше возможное будущее. Фантазировали, каким оно может быть: где мы живём, когда и за кого выйдем замуж, что будет сразу после замужества. И тогда Аня сказала: «Выйдешь замуж за моего брата». Это был не вопрос, скорее, утверждение. На него я отреагировала смехом и, чтобы снять напряжение, добавила: «Ага. И будет у нас девочка, похожая на тебя».

С любовью и нежностью вспоминаю то время. Мы с Аней (как удивительно совпало её имя с именем моей сестры, она мне была даже ближе, чем сестра) с лёгкостью находили общие темы и интересы. Нам было хорошо вместе. Мы вместе изучали жизнь. Проходили первые её трудные уроки.

Иногда мы оставались ночевать друг у друга и не спали до самого утра за сокровенными разговорами и такими нужными нам беседами. Темы... разве были темы, которые были нам недоступны? От обнимающихся облаков до политического режима далёких стран. От чуда

зарождающейся любви до серьёзных последствий искажённых людской психикой отношений. Нам было интересно всё. Мы исследовали.

Так летели дни, месяцы. Приятно вспомнить, что и моя мама тоже была добра к Ане. Она старалась уделять и ей внимание, когда моя подруга гостила у нас. Зная о её утрате, мама, наверное, бессознательно хотела чуть-чуть восполнить ей потерю. Была ласкова с ней, нежна.

А однажды... не знаю, что на нас тогда нашло. Мы валялись на полу в моей комнате, разглядывали обложки журналов, обсуждали заголовки и внезапно, будто бы между прочим, обменялись такими фразами: «Знаешь, у тебя такая хорошая и добрая мама. Мне так не хватает... вот бы мне такую», – сказала Аня. На что я, то ли в полуправду, то ли в полушутку ответила: «А у тебя самый заботливый папа. Вот бы мне такого».

Верну тебя мыслями к твоей семье. Давай побудем там. Это может быть важно для нашего дальнейшего пути по воспоминаниям. Расскажи, когда мама развелась с отчимом, ты общалась с родным отцом?

После смерти бабушки (папиной мамы), мы редко с ним виделись. Ведь инициатором наших встреч была зачастую именно она. Бабушка любила меня бесконечной любовью. На мой взгляд, она была уникальной личностью, удивительной женщиной, волшебным человеком. Её уход для меня стал огромной утратой. В один день я потеряла самого понимающего меня друга, наставницу и любимую бабушку, которая прикрывала все мои детские шалости и даже обман. Шалить уже не хотелось, конечно. Но должен же быть кто-то в жизни каждого человека, кто разрешает делать абсолютно всё. Кто закрывает глаза на любые глупые выходки. Должен... но у меня не стало.

Пока бабушка была жива, у неё были большие добрые планы на наше с ней будущее. Она до пенсии преподавала историю в школе, где я после училась. Бабушка мечтала, что я пойду по её стопам. Хотела даже подготовить меня к вступительным экзаменам в университет. Ставила перед собой серьёзную задачу: выучить меня, то есть сделать из меня «образованную личность» – так она говорила. Мне эта её затея очень нравилась. Вдохновляла идея совместного большого пути. Но всё изменилось.

Что же касается наших встреч с отцом, то, повторюсь, после ухода бабушки они стали совсем редкими. У него появилась новая семья, и, как мне казалось, я была там совсем лишней.

Он и без того общался со мной очень сдержанно, особенно в присутствии новой жены. А однажды я вообще не смогла до него дозвониться. Это было больно. Большинство моих телефонных звонков заканчивались впустую: то он в магазине, то у доктора, то в душе. И каждый раз за него брала трубку жена, обещала передать мою просьбу перезвонить. Зачем я всякий раз верила, что это была правда?

Насколько я помню, отец по-прежнему ходил на рыболовных судах в рейсы, и (видимо, сказывались бабушкины «партизанские» гены) чтобы украдкой встретиться с ним один на один, я дозванивалась в справочную компанию, узнавала, когда ожидается прибытие автобуса, отвозившего моряков с корабля. Мне выдавали все «пароли, явки». И я отправлялась к нему.

Бывало, что ждала его часами. Но мне даже нравилось это ожидание. В какой-то момент приходил автобус. Двери открывались. Я смотрела на людей, спускающихся с подножки, но папы среди них не было. Вероятно, он выходил на остановке поближе к дому и, может быть, даже не догадывался, что на конечной ждала его я.

В итоге, всё наше общение свелось к одной-единственной фразе: «Денег сейчас нет». Так он отвечал на мои вопросы. Интересно, что денег-то я и не просила. Это же очевидно, мне нужен был только он сам. Мой любимый, родной, лучший и красивый папа в мире.

Он был жив, но я его потеряла. Он исчез из моей жизни. Для меня эти годы с тщетными попытками встретиться с ним были мучением. Я пыталась вычислить его силуэт в толпе, засматривалась на автобусные остановки, искала его глазами на знакомых улицах. Это глупо, возможно, но я где-то в уголочке души надеялась: «А вдруг...»

Я сделала десятки шагов навстречу. Я искала его любовь и заботу и готова была отдавать свою. Но потом я устала. И это бессилие привело меня к той самой фразе, которую я сказала подруге Ане: «Вот бы мне такого папу, как у тебя».

Как ты справилась с потерей отношений с папой? Что тебе помогло?

Мне помогла игра, которую мы придумали с подругой. Возможно, это была игра с судьбой. Да, так и было. Но с того дня, как я впервые произнесла фразу: «Вот бы мне папу, как у тебя», мы с Аней увлеклись одной мечтой, превратив её почти в стратегию, в цель жизни: «родителей нужно поженить».

Такое увлекательное переживание: с одной стороны, я чувствовала себя нашкодившей девчонкой, как в фильме про юных близняшек, задумавших поженить папу с доброй и красивой няней. С другой стороны, я все же понимала, что вмешиваюсь не в свою жизнь.

Словом, мы с Аней задумали каким-то образом осуществить вот такой грандиозный план. Самая большая авантюра моей юности.

Вот как это было.

Приближались наши с Аней дни рождения. Да! Как приятно было выяснить, что и родились мы с ней рядом, в июле. Я 24 июля ночью, а она 25 июля утром.

Нашим намерением и, получается, главным желанием было соединить её папу и мою маму. Для этого мы специально организовали совместное празднование нашего шестнадцатилетия, на которое пригласили обоих родителей. Решили усадить их за один стол, красиво его накрыть, создать романтическую атмосферу, очень надеясь на благополучный исход нашей затеи. Нам отчего-то было важно стать ещё ближе, и мы очень желали счастья нашим родителям, предполагали, что знаем, в чём оно для них будет. Ясно же, «человеку нужен человек», а хорошему человеку, несомненно, хороший человек. Какими и были наши родители.

Конечно, Анин папа и моя мама были знакомы, ведь они периодически встречались на школьных собраниях. Но нашей задачей было создать для них особую встречу, не в деловой, а в романтической обстановке. Вот и праздник – отличный повод для встречи. И он предполагал, как минимум, дружественный настрой собравшихся.

Но с самого начала, не успев начать воплощаться, наш план начал трещать по швам. К великому сожалению, моя мама не могла присутствовать на праздновании. Мы с Аней были очень расстроены. У нас же всё так ловко складывалось. «А как же более близкое знакомство?» План вот-вот грозился рухнуть целиком.

По счастью, у нас был запасной вариант. В этот год наши дни рождения по датам были ещё и очень близко к празднику Дня военно-морского флота. Напомню, что жили мы в Севастополе, городе русских моряков. Анин папа служил на флоте. Вышло так, что наши Дни рождения продолжились феерическим праздником всего города.

И вот там-то и произошло чудо. Подробностей мы не знаем, но примерно через два дня после праздничных дат мы загулялись допоздна, а когда пришли домой, не обнаружили Аниного папу. Обычно в это время он уже возвращался.

Что-то нас заставило рвануть ко мне домой, чтобы выяснить, дома ли моя мама. Вы уже догадываетесь, что и её дома не оказалось, да? Мы с Аней одновременно и хотели, и не могли поверить в то, что они где-то «пропадают» вместе. Но мы хитро переглянулись и обнаружили радость в глазах друг друга: «Кажется, получилось!»

В сердцах пульсировало волнение. Тревога трепетала в нас. Думать, что у обоих случилось что-то нехорошее, мы не хотели. Но и убедиться в обратном не могли. Это же был 1997 год. Пока ещё не эпоха мобильных телефонов и приложений с быстрыми сообщениями. Наше неведение длилось до утра. Вот так вот! Именно в ту послепраздничную ночь произошло соединение двух разбитых семей (и сердец) в одну большую и дружную.

Интересно, как всё обстояло?

Оказалось, что мою маму пригласили на ужин дедушка (её отец) и его жена. По счастью, между ними были очень тёплые отношения. Мама, решив исправить свой «не визит» на наши с Аней дни рождения, пригласила к своим родителям и Аниного папу. Точнее, попросила его сопроводить её на ужин. Вот так элегантно это называется. А дальше случилось то, над чем феячили мы с Аней, и на что дали положительный ответ все высшие силы. Вероятно, наше желание было настолько чистым и искренним, что ждать его исполнения долго не пришлось.

Это было воистину Волшебство с большой буквы. Мама на другой день цвела и сияла. Как я рада была видеть её такой! Мечтала о её улыбке, помолодевшем лице, блестящих глазах. Она мне доверяла. И сразу же сказала:

– Доченька, скоро мы переедем жить к Ане и дяде Коле.

Так звали папу моей подруги.

– Как? – я сделала вид, что удивилась.

– Вы же именно этого с Аней хотели? Через два дня они уезжают в деревню Боровичи. У нас есть именно это время для переезда. То есть через два дня у нас у всех начинается новая жизнь. Мы к ней готовы?

Получается, мама догадывалась о нашем с подругой тайном замысле. Она знала, что две девчонки лелеют очень рискованный план! И не сопротивлялась его реализации. Я же долго не могла поверить, что он удался.

Мне казалось это наваждением, чем-то временным или даже шуткой. «Может, – думала я, – это просто дружба? Ведь не может быть всё так, как в чудесной сказке».

Через несколько дней после нашего с мамой разговора о скором переезде, моя подруга и её отец уехали в деревню к родственникам. Мы с мамой остались вдвоём и нас ждали большие изменения.

Анин папа не привык затягивать с решениями. Осознав, что моя мама близка ему как человек и привлекательна как женщина, он сразу озвучил, что хочет как можно скорее полноценную семью с ней, со всеми нами.

Сейчас я уже почти забыла суету того переходного этапа. Не знаю, что на самом деле переживала мама, и какими были её эмоции. С одной стороны, я понимала, что их красивый и спонтанный союз – это настоящее чудо и высшее благо. Но с другой стороны, возникло давящее осуждение от соседей, от недоброжелательных родственников и всех прочих, кому хотелось вставить свои пять копеек, дать непрошенный совет светлым отношениям. «Как же так! – голосили все они. – Ведь его жена умерла всего полгода назад». Да. Это всё надо было пережить. Такова была цена их билета в счастье.

Мы переехали в квартиру отца моей подруги, и диван в гостиной стал нашим с Аней спальным местом. Одним на двоих. Наша дружба вышла на иной уровень, возможно, такой, через который редко проходят отношения: совместная жизнь, совместный быт. Испытание или радость? Новые уроки или освобождение от мытарства и боли за родителей? Мы учились этой дружбе, принимали новые обстоятельства, пристально изучали каждый эпизод, по-честному

разделяли обязанности по дому: кто моет полы, а кто пылесосит. По очереди разбирали и убрали постель – кто-то расстилал, а кто-то застилал. У каждой были свои предпочтения и точки роста. Мы шли на уступки, но иногда и просили больше друг от друга. Мою младшую сестру поселили в детской комнате, чему мы обрадовались. Ведь без неё мы могли болтать о влюбленности и приключениях ночи напролёт. Благо теперь мы их проводили так близко.

Постепенно всё менялось. Как и всегда в жизни. Ничто не статично. Всё изменчиво. Или вверх или вниз: пульс жизни оставляет свой узор на карте бытия.

Каждое буднее утро родители уезжали на работу. Мы с девочками втроём сами собирали себя в школу. Возвращаясь, готовили обед, занимались уроками. Вечерами, перед приездом родителей, готовили ужин. На беседы, дружеские посиделки и прогулки времени стало всё меньше. Нас пригласил к себе бескомпромиссный совместный быт, который поглощал наши приятные моменты. Но мы искренне стремились снизить родителям их заботу о нас. Чтобы у них было больше времени друг для друга, для их тихого счастья.

В итоге нам удалось найти и своё счастье: иногда небольшая жертва ради близкого человека необходима, чтобы понять, насколько мы друг другу нужны и дороги. И даже если приходится «оторвать от себя», чтобы сделать другому хорошо – когда есть, что отрывать (у нас было), – нужно сделать это. Не рассчитывать, что вернётся сторицей, хотя обычно так и происходит, а просто отдать. И напитаться любовью и счастьем, наблюдая, как хорошо стало близкому, благодаря этой незначительной уступке.

Что происходило дальше? Как раскрывалась для тебя эта новая семья и жизнь в ней?

Как везде и во всём, были разные периоды. Моменты радостей и огорчений. Ведь нам всем предстояло научиться жить по новым правилам. И не всегда мы соглашались с ними. Получилось так, что личное пространство каждого члена семьи сократилось до минимума. Мы знали друг о друге практически всё: секреты, тайны – всё стало общим. Открытые разговоры, открытое пространство, где мы друг друга видели в любое время суток. Никаких «закрытых дверей», за которыми могло быть тихо. Иногда мне их остро не хватало. Признаюсь. Но лишь иногда.

Что было именно со мной... После смены места жительства и огромного стресса из-за этого, я прибавила в весе. Набрала, наверное, килограммов десять. А это значимо! Особенно для того возраста. Я чувствовала себя незащищённой, даже ущемлённой и нуждалась в утешении, которое получала через еду.

Частенько мне казалось, что я занимаю чьё-то место. Я понимала, что дом, где я живу, не мой. В нём и за его пределами внезапно многое было или стало для меня чужим. Конечно, я связывала это с переездом, со сменой статуса мамы, с нашими отношениями с сестрой и подругой. Но, оглядываясь, я понимаю, что это и гормональная перестройка, большая. На психическом восприятии мира это не могло не сказываться.

Многое поменялось. Я даже не ожидала, что столь многое. В моей прежней семье как было: изначально права каждого ребёнка не были равными. Моей сестре позволяли больше. Когда же мы стали жить втроём с девочками, наши права уравнились. Родители относились к нам более или менее одинаково: любили, заботились, баловали всех сразу, а не кого-то одного.

Правда, во время переезда был один болезненный эпизод для меня: решение вопроса с моей собакой. У подруги Ани на тот момент тоже была собака и мы, конечно, понимали,

что о проживании двух собак под одной крышей не может быть и речи. К моему огромному огорчению, пришлось попрощаться именно с моим ретривером. Он был ещё совсем крохой, шестимесячным щенком. И мама вернула его заводчику. Я горевала о потере.

Между тем, я была очень привязана и к Аниной собаке. Она была уже взрослой, росла на моих глазах. Мы с ней и прежде проводили много времени вместе на прогулках. Поэтому, конечно, справедливо, что отдали именно щенка, а не зрелую собаку, привыкшую к своей жизни. Это и по отношению к животным гуманнее. Но сама мысль о том, что именно мне пришлось пожертвовать питомцем, потерять любимицу, долго оставалась со мной, периодически мучила.

Я ревновала и даже завидовала. Тело будто наполнилось несправедливостью, разбухло от неё.

Что ещё изменилось в ваших отношениях с подругой Аней? Существенными ли были другие перемены? Если не считать бытовых моментов и притирки первых месяцев жизни.

Да, кое-что поменялось. Для меня существенное.

Тем летом, накануне наших семейных изменений, ко мне пришла серьёзная влюбленность. Этот парень был нашим с Аней одноклассником. Мы виделись с ним каждый день: встречались на прогулках, общались в одной компании и жили неподалёку. Поначалу между нами зародилась просто симпатия. Постепенно, чему я была, признаться, рада, она переросла в привязанность и трепетные ожидания новой встречи каждым вечером.

Я была настроена на романтику, красивые первые отношения, но в итоге всё обернулось похожей на вестерн историей или, скорее, на бандитскую разборку малолеток (если так можно выразиться).

Дело было вот в чём. Мой друг (тот парень, к которому на тот момент я уже была сильно привязана) сделал широкий, как оказалось после, непосильный для себя жест: одолжил родительские деньги одному из приятелей. И, как это бывает, время начало намекать, что отдавать долг никто не собирается. Возможно, иного выхода и не было, но целая компания моих друзей и одноклассников спланировала жестокий проект вымогательства задолженности, да не один на один, а группой на одного. Доморощенные коллекторы, знаете? Словом, опуская подробности, перейду к финалу: камера предварительного заключения и тюрьма.

Но я не сразу об этом узнала. Потеряв его на несколько дней, поискав среди знакомых, которые понятия не имели, куда он запропастился, и всё ли с ним хорошо, я решила обратиться к его родителям. Они, убитые горем, и поведали мне эту историю с деталями и подробностями.

В голове образовалась путаница. Как? Как все это могло произойти? Я отказывалась верить. Мы же так близко и тепло общались. Я не могла и предположить, что он сможет так... И что дальше? Можно ли как-то помочь? Как действовать в подобных ситуациях? Я хотела думать, что в скором времени все образуется, и мы снова увидимся, снова будем вместе.

Шли месяцы, а ситуация не менялась. Да, и с чего бы? Единственным способом общения с Владом были письма, написанные от руки. Да-да, такой устаревший, но настоящий способ поддержания контакта между людьми.

Через некоторое время его мама, которая знала, что мы с ним общаемся, предложила мне поехать к нему. В тюрьму. На «свидание». Я согласилась, хотя, признаться, поездка не из легких. Я просто не до конца понимала, что меня там ждёт.

Камера предварительного заключения находилась в другом городе. Я настроилась, чтобы это выглядело как мини-путешествие в иную реальность. Два часа поездом, и вот я на месте, и происходящее открывается мне, словно кадры тяжёлого фильма на огромном экране. Реальность нереальная. Искажённая, утрированная. Припудренная мрачным фильтром.

Что я вижу: деревянные скамьи, высокое стекло, провод телефона и он, тот, с кем мы так нежно проводили время – сейчас по ту сторону завесы. Сами понимаете, привычной такую обстановку не назвать. Смятение и чувство досады от происходящего давило, душило и рождало внутренний крик отчаяния.

Не удивительно, что деталей того визита я не запомнила. Видимо, мозг отключался, чтобы не фиксировать этот кошмар. А через какое-то время я поняла, что моя поездка и вовсе была неуместной. Ни парня моего это не поддержало, ни мне на пользу не пошло. Отдаю должное маме: она не останавливала меня. Напротив, даже настраивала на то, что быть рядом в такие периоды правильно. Тепло всем нужно, а в этом случае... Видно, мама понимала, что с моим упорством не сладить: я скорее сбегу, но поеду.

Вернувшись домой из «иной реальности» с её ужасами жизни в неволе, я сильно заболела. Настолько опустошённой оказалась после этого опыта. И, конечно, были нескончаемые слезы в подушку.

16 лет – и уже такие глубокие жалобы и сетования на несправедливость мира. Мне нужно было это пережить. Здесь уместна будет поговорка: «всё не так, как кажется». Я неверно оценила ситуацию. Были знаки, я сейчас вспоминаю, точно были. Что-то кричало, намекало, увещевало меня: «Катя, остановись, это не твоё. Тебе туда не надо!» Парня забрали далеко и надолго, а я продолжала бежать за ним следом. Возможно, в этом было что-то романтическое. Достойное хорошего романса под гитару. Или блатной песенки у костра в лесу.

История с моим первым ухажёром, однако, была не такой лиричной, как хочется думать, слушая эти самые романсы. Всё гораздо прозаичнее и предсказуемо до скуки. И закончилась она примерно так: через полгода Влад попал под амнистию, что-то там менялось в законодательстве Украины, и его наказание, лишение свободы на год, было амнистировано. Радость великая! Он возвращался домой. Вернулся ли?..

В канун Нового года и рождественских праздников мы с подружкой получили известие, что вскоре снова увидим нашего одноклассника. У меня в душе закружились ощущения настоящего новогоднего чуда. Мне казалось, что мы снова сможем ходить вместе в школу: так же встречаться, гулять за руку и проводить время в компании.

Наши друзья по счастью поддержали идею отметить Новый год всем вместе. Мы решили устроить пышную вечеринку в доме одного из них. Хорошо, что жили все рядом. Сейчас мне кажется, что это был самый ожидаемый праздник моей юности. Но у судьбы-вертихвостки были иные планы для меня на эту ночь. Она залепила мне пощёчину, чем оградила от кое-чего весьма серьёзного.

После поездки в тюрьму я не перестала общаться с родителями Влада. Более того, мы с ними сдружились, всячески друг друга поддерживали и я, конечно, горела желанием поздравить их с Новым годом. У меня всё сходилось: жили они недалеко от места, где мы организовали вечеринку с друзьями, я могла отлучиться к ним ненадолго.

Итак, веселье в разгаре. Мы с ребятами не отказали себе в напитках для взрослых. Дурман ударял в голову, туманил глаза, рвал мысли. Помню, что с Владом мы не были на том вечере парой. Но я, кажется, чувствовала себя счастливой оттого, что он рядом и верила в Деда Мороза, в исполнения желаний (моим желанием были отношения с этим парнем). Начались

танцы, шумное веселье и я, как планировала, отошла с поздравительным визитом к родителям моего возлюбленного. Решила сделать это одна, не позвав его.

Как говорится, «ничто не предвещало», но обнаружив, что я ушла, моя на тот момент уже сводная сестра (а также подруга и одноклассница) Аня и мой друг Влад оказались в постели. Вот так просто. Но что самое интересное и непонятно: как им это удалось и зачем они вообще это затеяли? Ведь они даже не были влюблены. Азарт? Или просто «взрослые игры»?

О похождениях Ани с Владом я узнала, спустя некоторое время. Как-то мне показалось, что их общение стало более игривым: появились подмигивания, звонки друг другу и переписка на уроках, которую они даже не пытались от меня скрыть.

Интересно, какой была моя реакция? Думаю, вы догадываетесь. Вы же помните, что я с детства обладала необъяснимой выдержкой и терпимостью. Я толком не умела показывать свою боль от удара любой тяжести. Я молчала. Аня во всём призналась, когда я у неё спросила. И я снова промолчала.

– Да, у нас с ним были отношения в новогоднюю ночь, – сказала она.

Её лица я не видела. Не знаю, что она чувствовала. Я не смотрела.

– Я знаю. Мне это и так было ясно. С той самой ночи, – только и ответила я.

Признаюсь, что во мне кипела изумительной силы буря эмоций, но я не дала ей воли. Я прямо-таки представила, как быю Аню хрустальной вазой по её честной голове. Но показательное спокойствие взяло верх. Плакала я всю ночь. Меня обнимала и грела обида, досада, боль. «Ну, как же так... Я же так ждала его...»

Мне больно даже вспоминать об этом случае. Могу представить, как было больно тебе. Давай вместе выбираться. Кое-что осознаем. Давай? Подскажешь, что именно можно осознать прямо здесь и сейчас?

Мне понадобилось почти пятнадцать лет, чтобы осознать. Много ли это? В масштабе мироздания, наверное, нет. Но для меня сейчас это звучит почти как полжизни. Если бы я могла просить что-то у этой жизни, то для начала – принимать осознания, которые приходят к людям. Хотя, может быть, пятнадцать лет – это уже самый быстрый срок.

Я поняла спустя время, что моя подруга Аня – самая близкая и родственная для меня душа, – была, есть и останется – приняла удар на себя.

Влад не смог бы быть со мной. Он навсегда бы запомнил, что я видела его не в лучшем свете, в тюрьме (бывает ли ужаснее?). И как исцелившиеся от зависимости мужа бросают жён за то, что те видели их великую слабость, пусть и помогали выбраться из морока, так и Влад бросил бы меня при первой возможности. Ещё и унизив, возможно. Впрочем, эти домыслы меня утешают. Ясно одно: мы с ним не могли быть вместе. Для этого нужно пройти огромный путь духовного развития. А зачем это нам? В то время подобные ветви пути точно были вне пределов наших желаний.

Аня, конечно, причинила мне боль своим поведением. Я была уязвлена в самое сердце. Она же видела, как я беспокоилась. Знала, что я ездила к нему. Как ждала. Как с родителями... Словом, как бы я тогда ни переживала, теперь понимаю: то, что она встала между нами, было единственно правильным для меня сценарием жизни. Она оградила меня от возможной (кажется, даже запланированной) близости с ним, приняла удар на себя, опозорив (в моих глазах, по крайней мере) себя. Вряд ли она это осознавала тогда. Но сейчас мне кажется, что идеальнее ситуации для нас троих и быть не могло.

Верно пишут в мудрых книгах, что в треугольник приглашает человек одного пола с тем, кто в него пришёл. Получается, подсознательно я сама попросила Аню избавить нас с Владом от этих отношений. В жизни всё так закономерно, если приглядеться.

Ты помнишь, что случилось с ним после?

Да. Типичное и предсказуемое развитие событий. Он вернулся за решётку. Стал заключённым. Ходка за ходкой. Я насчитала четыре. Последняя была самой длительной. За что – не выясняла. Да и неинтересно, признаться.

До меня дошли слухи, что он стал криминальным авторитетом и ему дали «специальное имя». Как при духовной инициации, где люди берут себе имя души, так и на зоне подобные «буддистские» законы. «Пришёл в ряды, получи погоняло».

Разве могла моя милостивая Вселенная допустить, чтобы я проходила через всё это? Я бы и сама не согласилась. Ушла бы после первого же рецидива. Но, возможно, уже с ребёнком и никчёмным штампом в паспорте. Впрочем, это всё фантазии и домыслы. Я пережила.

Сумела справиться с переживаниями, с так называемым предательством, и через некоторое время вернулась к своей обычной жизни. Мы помирились с Аней. Нам удалось оставить всё в прошлом. Сильный, на мой взгляд, жест. В моём окружении не было случаев такого простого расставания с такими глубокими обидами. Хотя до окончательного прощения и благодарности прошли годы, мы смогли жить действительно мирно, и наша дружба оставалась по-настоящему дружбой.

Хотите секрет, почему? «Прошлое забыто, будущее закрыто». Я настойчиво оставила прошлое в прошлом. Никогда не припоминала ей этот случай. Никакие острые моменты и мгновения отчаяния не побудили меня к этому. Самообладание? А может быть, лень и скука. Мне не хотелось лишних вопросов, лишних разборок. Да и в кругу нашей семьи поднимать подобные темы было более чем неуместным. Ясно же, что Аня сама наказала себя за сделанное.

С ним ясность. Продолжим с тобой. Как раскрывалась твоя жизнь в школе дальше?

Новый год отыграли. Прочие праздники и драмы оставались позади. Приходило новое чувство. Новое огромное событие, которое вызывало радость. Предвкушение окончания обучения в школе. Приближался волшебный выпускной вечер. Всё ближе был порог той самой двери, выйдя в которую, мы должны были оказаться в новой жизни, во взрослой и самостоятельной жизни. У кого, конечно, она ещё была не такой.

И вот экзамены сданы, наступило прекрасное лето и та самая новая жизнь: поступление в университет, которое сопровождалось новым сортом ответственности за свой выбор. Но вместе с этим пришли и новые друзья, интересные лекции, горы конспектов и особое время обитания среди библиотечных стеллажей.

Мы с Аней продолжили путь рука об руку. Вместе поступили на факультет социально-культурной деятельности в филиал Санкт-Петербургского университета профсоюзов. Всё было непросто, но быстро и, как-то ожидаемо, что ли. Конечно, вступительные экзамены предполагали волнение. Но не было страха, что что-то не срастётся. Если мы читаем книги и готовимся к общению с преподавателями на известные нам темы, разумно полагать, что у нас должно получиться достигнуть цели (поступить в ВУЗ). Ведь у тех, кто что-то делает для себя, в большинстве случаев получается то, чего они хотят, к чему стремятся.

Жизнь тянулась ровно и мирно. Дни сменялись один другим. Позади оставалось прогнозируемыми событиями полное лето. Пришла осень. И сентябрь нового учебного года пригласил нас в студенчество, куда мы с Аней и другими ребятами самозабвенно шагнули.

Учёба снова давалась легко. Мне было любопытно: новая жизнь, новые предметы, знания. Всё резко отличалось от многолетней практики в школе. Сессии, особые задания на них, темы для каждого студента, по которым мы писали контрольные и курсовые. Защита. Новый формат, новая реальность.

Стоит напомнить, что интернета в каждом доме тогда ещё не было, хотя в мире, конечно, уже появился. Но у меня не было. Поэтому мой путь к профессии лежал через библиотеку, где я писала конспекты от руки, опираясь на книги как на основной источник информации.

Иногда за шоколадку библиотекарь разрешала взять любую книгу домой на всю ночь. Так я могла закончить работу скорее и в домашнем уюте, а не в библиотечной пыли. Хотя, скрывать не стану, особая романтика в этом была. И сегодня я даже чуть-чуть скучаю по тем «затемнённым» временам. В библиотеках так темно.

На сессиях для меня самым приятным было чувство сданного экзамена. Словно что-то освобождалось во мне с каждым зачётом, с каждым пройденным уроком. В университете – как в жизни: сдали экзамен, прошли урок, на какое-то время наступает облегчение. Если, конечно, это был финальный экзамен, а не промежуточный.

Первый год пролетел. И Студентка в моём лице готовилась покорять мир.

ПЕРЕВЁРНУТАЯ СТРАНИЦА

Настал день, когда с лёгким сердцем и огромным счастьем на душе мы с подругой Аней назвали обоих наших родителей мамой и папой. Они поженились. Мы были уже в недетском возрасте, но тяга к семейному уюту была такой сильной, что нам было очень приятно называть их именно так.

Моя лучшая подруга Аня с любовью и уважением обращалась к моей маме, называя её мамой. А я, сохранив доброе отношение к мужчинам, несмотря на неприятный опыт жизни с предыдущим отчимом, решила открыться счастью общения человеком, которого назову папой.

Тем летом, о котором я сейчас поведу речь, мы все жили в трепетном ожидании пополнения семьи. Нет, моя мама не была вновь беременна. Уже родившийся и давно выросший брат Ани должен был вернуться домой. Скорый приезд Сергея волновал каждого из нас по-разному: примет ли, поймёт ли, сойдёмся ли? Только-только всё устаканилось. Только жизнь стала почти безоблачной.

Анин брат после окончания военного училища по распределению попал на Северный флот. Там он прослужил около трёх лет. Суровый климат, нелёгкие условия. И моя мама, став полноценной «матерью большого семейства», позволила себе возмутиться, что её муж Николай (родной отец Серёжи и Ани) сам служит на Черноморском флоте, в тёплом климате, рядом с близкими, а сына позволил отправить на север.

«Там нет того, что нужно каждому человеку больше всего, – объясняла свою позицию мама, – нет его родных людей. Там же день всего четыре часа. Остальное время темнота и холод».

В общем, мама это дело так не оставила. Не дала сыну её мужа коротать дни во мгле, остаться в темноте и холоде. Она убедила отца сделать всё возможное, чтобы перевести Сергея на другой флот. К нам поближе. Вот ведь удивительно, как много любви бывает в человеке. Например, в моей маме: сын не родной, а волновалась за него, как за родного.

Моему новому отцу эта идея, надо заметить, и самому понравилась. Он принялся за дело и занялся поиском подходящей должности для сына. Как это всегда бывает, когда люди делают то, что делать нужно, что согласовывается с настоящим их путём, жизнь им помогает, и вскоре уже были подписаны документы на перевод Сергей к нам в Севастополь, край света и тепла.

Для нашей семьи это было грандиозным событием. Мы ждали. Мы суетились. Наводили порядок, освобождали место для нового члена семьи, рассчитывая, что он останется с нами надолго. Правда, уже тогда обсуждался вариант, что вскоре после выхода на новую службу, Сергею дадут общежитие. Звучало так, что его проживание с нами будет лишь временным.

Но этот путь как раз был не нашим. Поэтому всё пошло иначе.

Зайду чуть издали: вливаясь в семью, которую я совсем скоро называла своей, я рассматривала детские фотографии Сергея и Ани, которые были развешаны в гостевой комнате. К ним вскоре добавились и мои детские фотографии, и моей младшей сестры Анюты. И наши совместные фото с Аней – одной и второй.

Эти снимки были моим объектом медитации. Я успокаивалась на них. Думала о чём-то, разглядывая их. Как кто-то рассматривает узоры на обоях, линии на потолке, синиц в небе, так я – детские фотографии нашей огромной семьи.

Что-то случилось, что-то поменялось. Вероятно, известие о скором прибытии Сергея в дом заставило меня чуть пристальнее обратить внимание именно на его фото. У меня просыпался всё больший интерес к кадрам именно с ним.

Я не торопилась, разглядывала медленно: его интересные черты лица, позы, жесты. Осанку, грацию, которую удалось запечатлеть фотографу. В общем, герой, к которому я подходила каждый день, как на поклон к алтарю, стал мне интересен больше, чем просто человек и брат подруги.

Чем он меня пленил? Во-первых, возрастом. Он был старше меня на целых семь лет. В то время это была для меня огромная разница. Мне 18, ему 25. Это же уже мужчина! Я была уверена, что в таком возрасте каждый парень способен взять на себя ответственность. А тем более, мой герой. С таким можно и семью смело заводить, даже детей.

Во-вторых, перспективы его карьеры: он же служил на флоте. Надёжная профессия с гарантированным ростом. Абы кто там не задерживается. Значит, рассуждала я, он самостоятельный, независимый.

В-третьих, и в этом я была почти уверена: он свободен для отношений.

День его приезда неизбежно настал. К тому времени я уже знала, кажется, каждую черточку его интересного лица. Каждую особенность его фигуры, которые мне удалось разглядеть на фотографиях. Конечно, я понимала, что он стал иным. Изменился. Возмужал. Но что-то в любом случае должно было остаться.

Я была смущена, встречая его. Но внутри меня тот спокойный и уравновешенный Мудрец, с которым я была знакома с раннего детства, уже всё продумал и решил. Он твердил мне ровным тоном, будто бы речь шла о чём-то обыденном и понятном: «Я хочу с ним семью». У него был чёткий план действий завоевания расположения, доверия и сердца мужчины.

Бывало, я спрашивала у своего внутреннего Мудреца, ещё ожидая приезда Серёжи, позволит ли он мне влюбиться по-настоящему, по-девчоночьи? Очень уж прагматичным он мне казался. На что он отвечал, заставляя меня кивать на каждую его фразу, что не нужны нам все эти драмы. «Мы столько прошли, столько испытали, надо ли нам ещё это?»

Я соглашалась, что не надо. Что мой жизненный опыт уже открыл для меня спокойные отношения с мужчиной. Несмотря на то, что опыта самих отношений у меня на тот момент не было. Мне хватало понимания: «Раз я смогла по фото испытать тёплые чувства к своему герою, полюбить его, но не как плаксивая девчонка, а как Мудрец, значит, он мне подходит».

Совета Мудреца внутреннего мне было достаточно. Я не из той модной волны, которая опирается на советы психологов, тесты в журналах и гороскопы всех мастей. Даже мило наблюдать за этим в нашей современной жизни: встречаются живые люди, как текущие потоки. Лев Толстой об этом писал: «Человек течёт, и в нём есть все возможности: был глуп, стал умен, был зол, стал добр и наоборот. В этом величие человека. И от этого нельзя судить человека. Ты осудил, а он уже другой». Но, когда это он писал? Давно. Времена тоже утекли, как вода. И теперь нам доступны методы торможения сердца и импульсов души занудными вопросами: подходит ли мне этот партнёр? Для жизни? Для семьи? Каково его видение? Мышление? Образ жизни и принципы? Есть ли у нас с ним что-то общее? Каковы шансы, что мы проживем долгую счастливую жизнь? Словно получив ответы на эти вопросы, наша жизнь через минуту не поменяется. Словно это вообще когда-то о ком-то можно прояснить. Даже о самих себе.

Вот как это звучало, предположим, 20 лет назад:

– «Ты меня любишь?» – «Да». – «А ты меня?» – «Да».

Вот и весь секрет семейной гармонии. Но это же и есть самое главное! Не так ли?

Конечно, браки распались. Но распадаются они и сейчас, после пристрастного анкетирования и жёсткого отбора по гороскопу. Современные методы подбора лишают людей того

самого романтического конфетно-букетного периода, когда они могут легко позволить себе не быть теми, кем являются, но представляться теми, кем хотели бы быть. Идеальными людьми. Безупречными мужчинами и женщинами. Свободными от комплексов и предрассудков. Ах, какая волшебная иллюзия! Зачем же лишать свою жизнь подобного?

Спустя время, конечно, маски долой. Мы предстаём перед избранником в своём истинном обличье, и тут начинается новый этап отношений. Не менее интересный и иллюзорный, чем предыдущий.

День настал. Семья объединилась.

С приездом Сергея моя жизнь снова кардинально перевернулась. В одном доме со мной поселился настоящий мужчина, и называть его сводным братом я не могла. Ясно, что и выбежать в трусиках на кухню уже было неуместно.

Вечерами мы всей семьёй собирались за большим столом на ужин, долго разговаривали. Кажется, мне тогда было интересно абсолютно всё, что обсуждалось. Поэтому я была активным участником и слушателем.

Моя эйфория по «настоящему мужчине» и прочим фантазиям улетучилась, когда я ощутила, как же нам тесно жить. Места сильно не хватало: шкафы, тумбочки, другие места для хранения важных для быта вещей были переполнены. Мы с сёстрами ютились в одной комнате, которая по совместительству была ещё и гостиной. Бывшую детскую занял Сергей.

Но мы ребята позитивные, неунывающие. Мы искали весёлые моменты и кто-то (я не припомню сейчас, кто именно) высказал игривое мнение, что кое-кому пора переехать в спальню к Сергею. Тогда и места прибавится. Да и неразумно это – жить ему в комнате одному, когда такая острая нехватка пространства.

Намекали, конечно, эти шуточки на меня. Хотелось бы просто над ними смеяться, но в каждой шутке, как мы знаем, только доля шутки, остальное – правда, пусть и бессознательная. Каждый раз, когда речь заходила о моём переезде в спальню, именно в такой формулировке, моя лимбическая система (склад эмоций и переживаний) что-то записывала для себя, подмечала, о чём потом напоминала во снах и речевых оговорках.

Приближался июль. То самое время чудес, на которое у нас с Аней приходились дни рождения. В том году пригласили много гостей, устроили просто грандиозную вечеринку. Восемнадцатилетие считалось серьезной датой, новой вехой в жизни человека, некой отмашкой для начала нового, взрослого этапа бытия.

Было застолье. Крепкие напитки. Дань традициям: танцы, шум, тосты. Сергей тогда тоже поднял бокал с желанием произнести для нас речь: «Ну всё, начало взрослой жизни. Теперь как яхты свои назовёте, так они и поплывут». За столом тогда воцарилась неловкая тишина. Действительно, причём тут яхта, если у нас совершеннолетие, этап иной, ступень – что угодно, но не «яхта». Мне хотелось услышать от него добрые, пусть и банальные пожелания любви, счастья. А он...

Среди гостей была и подруга моей мамы Натали. Я уже тогда считала её и своей подругой тоже. Меня тянуло общаться с людьми старшего возраста. У нас находились общие темы для разговоров. И мне было комфортно с «большими друзьями». Надёжнее, спокойнее. Наверное, так. Мне казалось, те, кто старше, уже прошли через банальную зависть, глупую ревность. И прочие ядовитые чувства, которые отягощают многие дружеские отношения.

Кажется, я успела проболтаться ей о своей симпатии к Сергею. На что она авторитетно заявляла: «Нет, Катя, это не твой мужчина. Ты достойна другого». Такое заявление в лоб не могло меня обрадовать, и наставить на верный путь такая подача мнения не способна. Тем

более что я переживала пик влюблённости. Я, конечно, грубо отрицала её реакцию на мои, как мне тогда казалось, настоящие чувства!

В общем, за тем столом чуда не случилось. Того, что я хотела, не получила. Ожидания часто сменяются разочарованием. Мне хотелось только счастья. Пожеланий счастья. Проживания счастья. А не «мудрых» советов то о яхте, то о дотошном выборе.

Ты не послушала старшую подругу, легко простила оплошность за столом во время праздника. Похоже, что любовь к Серёже сразила тебя, как ураган. Почему так? Откуда эта молниеносность? Чем он тебя покорила?

Он? Как точно было тогда, я не вспомню. Но сейчас, оглядываясь, я понимаю, что он был похож на моего родного отца. Словом, он был копией моего папы, по которому я так скучала уже много лет. Он такой же. Фигура, рост, и даже во внешности схожие черты.

О чём я могла тогда думать, глядя на него: «Он будет меня любить, защищать баловать так, как не сделал папа». Я хотела компенсировать, дополнить то, что не получила в детстве. Неосознанно, конечно. Я просто тянулась к нему. Хотелось забраться на ручки. Тогда я ещё не понимала, что пора бы закрыть дверь в детство, принять, что оно было таким, какое мне нужно, и то, что я там не получила, уже не наверстаю. Открыть для себя новый путь. Кто же об этом думает в восемнадцать? Особенно, когда чувства застыли и здравый рассудок отключается: в душе весна, в голове цветение и дурман. Я хотела любви, и анализировать — отчего и почему, — не было желания. А уж тем более слушать кого-то, кто «старше и умнее». Я опиралась на себя. Тогда для меня это было правильно.

Допустим, что Натали была тогда права. Допустим, что он не мой мужчина. Но под силу ли мне было развернуть вспять химические реакции, происходящие в моем теле, когда я видела его изо дня в день? Есть у нас «властелины гормональных импульсов»? Возможно. Но сколько им лет? Какую жизнь они прожили, какой у них опыт? Впрочем, я же ни о чём не жалею. Просто продолжу рассказывать.

При виде Сергея у меня всё вспыхивало внутри и снаружи: розовели щёки, потели ладони. Я смущалась, заискивающе улыбалась. Это так трогательно наблюдать со стороны, а вот проживать — совсем нет.

В другое время я думала о нём, вспоминала и оценивала его поведение, поступки. Я понимала, что мне всё в нём нравится: его характер, его сила. Он не был подлым или заносчивым. Как и Николай (папа Ани и мой названный отец), Сергей был трудолюбивым и очень деятельным. Они проводили много времени вместе за мужской работой: меняли розетки, мастерили ступени в мамином дворике. Будущее открывало приятную перспективу, что с ним я не буду озадачена вопросами о сборке детской кровати или починке утюга.

Когда же Сергей надевал военную форму, — а для девушек Севастополя, военные женихи самые привлекательные, — я с наслаждением и трепетным предвкушением возможной близости засматривалась на его статную фигуру. В моих глазах он был самым настоящим мужчиной!

Июль продолжался. Следом за нашими с Аней днями рождения шёл мамин. Рождённые под созвездием Льва собрались под одной крышей. Этаким львиный клан, готовый всё лето праздновать, чтобы по осени выходить на охоту полными сил и с новыми целями.

В тот год я решила испечь для мамы в подарок торт. Погрузилась в процесс с головой, увлеклась и провозилась допоздна. Не сразу заметила даже, что Сергей вернулся с работы чуть позже обычного. Я была вся перепачкана мукой и с хозяйской испариной на лбу. Увлёкшаяся хозяйством моя персона, видно, произвела особое впечатление на вернувшегося со службы мужчину.

– Я задержался немного. Мы с сослуживцами... – рассказывал он что-то. Я плохо понимала. Он сбивался, будто бы оправдывался. Искал слова.

– Да всё хорошо. Я же занята тут своими делами, – сказала я. – Готовлю торт для мамы. Осталось только уложить коржи, дожждаться, пока остынет крем.

«Тебя же я уже дождалась», – последнюю фразу я точно помню, что не произнесла вслух, но он её, кажется, всё-таки услышал.

Спокойно он подошёл ко мне. Помню его неспешную походку. Его глубокий взгляд, который становился всё ближе, ближе... Я не успела толком понять, что происходит, как он, отодвинув почти завершённый торт, слегка прикоснулся губами к моим губам. Мне бы хотелось изобразить удивление, сделать вид, что не ожидала такого выпада, но я не могла. Я ждала этого поцелуя. Ждала его. И лучшей картинкой в моём воображении о том, как это должно происходить, и придумать было невозможно. Несколько месяцев ожидания – восторг и расслабление, но не удивление появились на моём лице.

О торте я, конечно, забыла. Что было после поцелуя, я помню не чётко, но помню, что хорошо. И я благодарю любящую меня Вселенную, что моим первым мужчиной стал именно он. Тот, о ком я мечтала. Тот, кто был со мной так нежен.

Сценарий моей жизни подыгрывал воображению. Например, когда я фантазировала о замужестве, то представляла, что рядом со мной у алтаря стоит высокий крепкий парень с широкой и благородной улыбкой. Для меня почему-то важна была именно она. Улыбка. Такая, какая была у Сергея. Я хотела, чтобы мой первый мужчина был моим мужем. И, конечно, так вскоре и вышло.

События развивались стремительно, буквально через месяц он сделал мне предложение. Родители были рады нашему решению. Кажется, они и сами уже несколько месяцев ждали, когда это произойдёт. Мы обрадовали всех, обрадовались сами и подали заявление в ЗАГС. Еще через месяц поженились. И помчались дальше по дороге жизни, превышая скорость. Влюблённые вечно лихачат.

Родители нам помогли с поиском съёмной квартиры. И мы поселились в том же доме через два подъезда от них.

Вспоминаю нашу свадьбу. Ощущения были как от выступления на сцене. Все на нас смотрели. Я жутко волновалась. Даже самая огромная любовь редко остаётся на таких празднествах на банкетную часть. Вот и наша сбежала в тот день, оставив с нами только суету, заботу и лёгкую нервозность из-за необходимости постоянно быть в центре внимания. Кто помнит свой первый раз или тот из свадебных эпизодов, где было платье из искусственного материала, кремный торт, заплаканные гости, тот меня понимает.

И всё-таки это было мило. Я рада, что прожила и это.

Кроме суеты и волнения, что было ещё? Это важный шаг в жизни. Расскажи, ты помнишь, что чувствовала в тот момент?

Да! Всё, что я проживала тогда, было похоже на ощущение, когда сбывается огромная мечта. Мы грезили, ждали, а она возьми да исполнись. Что дальше?

Меня просто разрывало от счастья: «Удалось! Снова задуманное удалось!» А осознав это, я и не знала, что делать дальше.

Свадьба для меня получилась в итоге как обязаловка. Отрабатывание номера. Хочется уделить время себе и любимому, а нужно общаться с гостями, нужно о чём-то заботиться: музыка, угощение, ритуалы. Я не этого ожидала от своего праздника. Кстати, у живущих за рубежом больше шансов провести этот день в удовольствие. Они могут себе позволить

создать праздник для двоих. Сделать этот день своим. И принимать в этот день поздравления и заботу от близких в удобных вариантах. Вступать в новую жизнь из точки покоя и равновесия. В наших же традициях, наоборот – молодожёны должны развлекать и радовать всех вокруг. Праздник не их, а собравшихся. Так передавалось из поколения в поколение. Интересно, откуда пришло?

Если бы я могла переиграть ту ситуацию, я бы спросила себя: «А чего я хочу на самом деле?» Ответ бы не обрадовал моих родственников. Так и вижу их разочарованные лица и выпадающие из рук банки с майонезом, которым они заправляли тазики с салатом.

Наша с Серёжей совместная жизнь, получается, началась с чувства долга. Я так и не смогла отпраздновать своё персональное счастье, наше с ним единение. Прозвучит громко, но, создавая праздничный стол на 50 человек, мы, получается, предали себя. Мы не смогли пройти через этот ритуал спокойно, смиренно. В нас зародилось сожаление. И это в самом начале пути. Не таким мы его себе представляли.

Я вижу, что сейчас, когда ты уже за рубежом, где иные обычаи, традиции и другие возможности, ты тоскуешь о том событии, точнее, о том, как оно было разыграно жизнью. Изменить мы там уже ничего не можем, согласись. Давай оставим всё как есть и посмотрим с другого угла: была ли ты по-настоящему счастлива в тот день? Он был более чем 20 лет назад. Твои родные и близкие были рядом. Вспомни ту точку на карте жизни. Не теперешнюю, где ты рассуждаешь с позиции женичины, прошедшей немалый путь. Что было тогда? Была ли ты счастлива?

Счастлива? Да. Была. По-своему, как девчонка, не как женичина.

Сейчас я осознаю, что просто не понимала всей серьёзности этого дня. Мне было невдомёк, что встретились не просто люди, но души, которым предстояло пройти определённый путь. Что-то на нём понять, совершить. Какие-то уроки пройти.

И всё-таки я сокрушаюсь о том, каким он был. Мне было важно в такой день разделить эмоции и чувства с человеком, с которым я согласилась осознанно идти по жизни. Я понимаю, что нам нужны все эти устои, традиции. И мы боимся заявить о своих желаниях. Но ведь именно так мы привыкаем жить для других, забываем о здоровом эгоизме, боимся обидеть всех вокруг и родных в первую очередь. Вкладываемся в других людей, забываем о себе, о том, что выставляем им подсознательно счета, требуя после похвалы, послушания, понимания. Забываем, что пока не сделали для самих себя всё необходимое для счастья, не можем делиться счастьем с другими людьми.

Ответ, пожалуйста, ещё раз: была ли ты счастлива в тот день?

Отвечу так: скорее да, чем нет.

Ведь понятие счастья у всех разное. Для кого-то в восемнадцать лет счастье — сбегать на дискотеку, найти себе там приключений. Кто-то был счастлив за учебниками, изучением языков, а потом и применением их в путешествиях и карьере. Чем было счастье для меня: семья. Мы с мужем. Мы с Серёжей.

Я продолжила учиться в университете. Целыми днями сидела в библиотеке, готовилась к сессии. Под вечер возвращалась домой, встречала мужа со службы. Мы тихо проводили время за ужином, обсуждали новости и события наших с ним дней.

Как я его ждала – это отдельное переживание. Каждый раз с замиранием сердца. Я выглядывала с балкона, искала на дороге любимый силуэт. Считала минуты до скорой встречи. И так день за днём, неделю за неделей.

А уже через четыре месяца после свадьбы в нашу жизнь вошла новая душа. Я узнала, что беременна. Это было так: громко и неожиданно. Накануне врачи пророчили мне бесплодие,

объясняя его непоправимыми сложностями со здоровьем. Они диагностировали инфантилизм матки, при котором ни о какой беременности речи быть не могло.

Я помню день, когда узнала о беременности, до минуты. Уже с утра я неслась с тестом в ванну. Сделав его, с замиранием сердца ждала результат. Но я предчувствовала его. Я молилась Господу о положительном тесте и обещала быть прекрасной матерью. И Господь был милостив: во мне зародилась маленькая жизнь. Что со мной творилось! Я готова была сообщить всему миру о своём новом счастье. «Буду мамой!» – так и клокотало во мне. И это было настоящим чудом.

Я была замужем. Я была любима и любила сама. Мы ждали ребёнка. И это сразу был очень желанный ребёнок. С первого мгновения его существования, даже в моём воображении.

Мне было всего 19. Но в то время выйти замуж в 18 и родить ребёнка в 19 считалось нормальным опытом. Не было осуждения, косых взглядов. Тем более, когда молодые официально живут вместе в мире и гармонии. Станным, скорее, было обратное: когда вот уже несколько месяцев женаты, а всё ещё не ждут детей. Это вызывало подозрение, порождало разговоры за спиной и окутывало неприятными выводами.

Я боялась, что у нас не будет детей. Врачи, желая помочь мне, даже назначали противозачаточные пилюли, чтобы простимулировать работу яичников. Была теория, что если внезапно прекратить их принимать, то шансы на беременность увеличиваются в разы. Этим путём я не пошла. Видимо, вера в лучшее побеждала во мне всегда.

Я влетела к родителям в дом с визгами и восторгом. Я чувствовала счастье всем телом, оно не умещалось во мне. Я повторяла и повторяла внутри себя: «Я скоро стану мамой! Невероятно, во мне зародилась новая жизнь!»

– Мамочка, мамочка, я беременна! – кричала я.

– Боже, доченька, какое счастье! – обрадовалась мама. На её глазах выступили слёзы.

– Да, тест положительный! – я продолжала эмоционально рассказывать, а сама призадумалась: «А точно ли он положительный? Может, мне показалось? Надо посмотреть ещё раз. Все ли верно?»

– Доченька, любимая моя, это чудо! Я тебя поздравляю, моя маленькая будущая мамочка, – всё ещё со слезами и дрожью в голосе говорила мама. Мы крепко обнялись и долго-долго так просидели, обмениваясь радостью через объятия.

Что мы сделали дальше: посчитали предполагаемую дату рождения малыша.

– Прекрасно, – заключила мама. – Конец октября, шикарная пора, осень, хорошее время для прогулок.

– Давай никому не скажем, только девчонкам, папе и Серёже. Мам, пожалуйста, никому не рассказывай, – очень просила я.

– Конечно, это будет пока наша семейная тайна, – пообещала мама.

И с этого дня моя жизнь разделилась на «до» и «после». Она больше не была прежней. Это было то самое настоящее счастье, ожидаемое многими женщинами!

ДОЧКА

Наследственность даёт о себе знать.

Она пришла в этот мир без боли и схваток. Легко и просто. Моя нежная Дюймовочка. Крохотное тельце, весом 2700 граммов Маленькие ручки, крошечные ножки и... огромный страх. Страх за её жизнь родился у меня вместе с ней.

«Я же теперь мама, мой страх объясним», – долго успокаивала я себя логическими рассуждениями. Но что-то внутри меня панически требовало ответов на тревожные вопросы: «Дышит ли? Бьётся ли её сердце? Как она спит? Ой, почему так долго спит? А она точно здоровенькая?»

– Доктор, ответьте мне! – не унималась я порой, доводя до исступления себя и больничный персонал.

Казалось, что заботит это всё только меня. Для остальных, что понятно, младенец – «дело житейское». Их комфортное равнодушие в конце концов успокаивало и меня. Дочка же изначально была абсолютно спокойным созданием. По-моему, она никогда не плакала. Или плакала, но очень редко. Издавала вместо привычного младенческого крика тихие уютненькие кряхтения.

Наша с ней первая доктор была женщиной удивительной. Профессионал в акушерстве. Она болтала со мной обо всём прекрасном в жизни и крепко держала меня за руку пять часов кряду, пока я проживала ноющую боль. Это была не адская боль, о которой я читала в журналах, смотрела в фильмах, ужасаясь истерзанными мучениями лицами рожениц. Это была лёгкая неритмичная музыка в районе живота, которую я проживала, пропуская в мир свою крошечку.

С нежностью отмечу, что день рождения дочки и её папы были совсем рядом. Люблю эти подарки жизни: праздники один за другим и другие добрые совпадения, и случайности (которые совсем не случайны).

Воистину, роды есть разрешение. Вспоминаю, как тяжело мне было донашивать малышку. Как безудержно ныла моя спина и суставы. Как неспешно и безотрадно струилась моя жизнь, придавленная грузом душевных переживаний и телесной боли. Моя доктор, та самая «удивительная женщина», согласилась помочь со стимуляцией родов, со скорейшим приглашением младенца в жизнь. Как я была ей благодарна. Как я ждала этого мгновения. И как же я была ошарашена, когда оно приблизилось ко мне вплотную.

– Ну что, дорогуша, сегодня будем рожать, – с улыбкой сказала доктор, поднимая меня с кресла.

– Как? Уже сегодня? Прямо сегодня? – спрашивала я.

– Катюша, милочка, ну а как ты хочешь? Конечно, сегодня – это прямо сегодня. Мы с тобой встанем и пойдём. Родим. Просто, – уверенно заявила доктор.

Я замерла, разглядывая пристально её стальной образ с неподходящими к нему абсолютно тёплыми и добрыми глазами. Она меня не торопила. Дала полюбоваться. Видимо, понимала глубоко и подробно мой процесс. Как же я ей благодарна за эту чуткость.

Расскажу о ней. Для начала – её боялась вся клиника, насколько мне удалось заметить и разузнать. Известно было, что она занимала должность заведующей поликлиникой. Издержки этой позиции таковы, что разговаривала она только по делу, только криком (читай: матом) – с сотрудниками, разумеется. В её голосе звенел металл. Была она бесцеремонна

(опять же, по делу) с мамочками, которые баловали себя булочками и набирали по 20 кило свыше нормы.

«А рожать мы как будем? – строго спрашивала она. – Разрывов не боимся? А худеть потом сколько? Зачем?» Увещевала как матушка. Грела как бабушка. Заботилась как отец.

Перед первой консультацией я провела несколько часов возле её кабинета, ожидая, пока она освободится. Стены и двери в больницах и поликлиниках не слишком толстые. Я слышала, что за ними происходит. До меня доносились обрывки разговора с беременной пациенткой.

– Я же говорила вам, что следить за весом очень важно! Неужели вы думаете, что, набрав за неделю три кило, вы сделаете здоровее своего ребёнка? Или вы никак не привыкнете, что думать теперь нужно не только о себе?

Слышала я, как девушка, называя её по имени и отчеству, робко оправдывалась, кажется, даже всхлипывала:

– Пожалуйста, не ругайтесь. Я теперь всё поняла. Сяду на диету.

Мне было немного жаль девушку, но когда она вышла, я увидела, что повышенный тон был не просто оправдан, а необходим. Вес её действительно вызывал «восхищение». Конечно, это не может не сказаться на родах.

Я задумалась, что вроде как нормально во время беременности питаться чуть плотнее обычного, «за двоих». Прикинула свои весовые изменения и, предвкушая непростой разговор с врачом, хотя была не в пример стройнее моей предшественницы, судорожно подчитывала калории, когда резкий стальной голос вернул меня в реальность:

– Вы ко мне? – на меня смотрели добрые глаза.

– Да, – ответила я и запнулась. – Мы к вам.

Я вошла в кабинет. Мне было в нём комфортно и тепло. Положила на стол амбулаторную карту. Доктор внимательно изучала историю моей беременности, попутно задавая вопросы:

– Какой срок? Что привело ко мне?

– 30 недель. Хочу выбрать вас ведущим доктором на родах, – ответила я, окончательно успокоившись.

– Так, – кивнула она. – Сколько прибавили в весе за этот срок?

– 3,5 килограмма.

– Маловато. Почему так?

– Токсикоз, – я пожалала плечами. – Он у меня с самого начала и вот... до сих пор.

Она осмотрела меня. Выяснилось, что моя малышка расположилась в утробе вверх головой. Это опасное и неправильное положение. Возникла угроза кесарева сечения. Я сникла.

– Рисковать не будем, – из голоса врача ушёл металл. Она говорила уверенно, но мягко. Я смогла ей полностью довериться. – Сейчас перевернём.

– Меня?

– Тебя, пожалуй, оставим как есть. А ребёнку в таком положении оставаться нельзя.

Пара её движений. Лёгкое нажатие и... всё! Как так? Я даже не поняла, что что-то произошло.

– Отлично. Удалось. Чувствуешь изменения? – спросила она.

Я, не отрывая восторженных глаз от доктора, нащупала головку младенца внизу живота. Кивнула. Ещё кивнула. Да. Так просто.

– Чувствую. Получилось, – только и сказала я.

– Вот и замечательно. Приблизительная дата родов 20—28 октября. Прошу побережь себя от резких движений, хорошо питаться, крепко спать. До встречи через 4 недели, – закончила она и принялась делать записи в моей карте.

Я вышла, неустанно благодаря небеса и эту удивительную женщину. Как мне была важна эта встреча. Ведь накануне, буквально за пару дней до моего к ней визита, мы с мамой узнали,

что именно у этой акушерки была роженица, чей ребёнок умер, едва появившись на свет. Но после разговора с ней, прочувствовав на себе её профессионализм, тёплое спокойствие и уверенность, я вспомнила, что право на ошибки есть у всех. Да и была ли там ошибка? Возможно, закономерность. Ведь несколько минут назад я сама слышала, как другая беременная, пусть и не напрямую, но своим попустительством откровенно вставляла палки в колёса успешному процессу родов. Сами чудим, а врачи во всём виноваты.

И, конечно, я понимала тогда и понимаю сейчас, что у всех свой путь. Своя судьба. И когда мироздание решает, люди остаются по ту сторону кулис. Наша задача только наблюдать, принимать, прощать. И доверять.

Шаг, на мой взгляд, более чем смелый: остаться с доктором, у которой накануне был случай смерти. А как же мнительность беременных? Что помогло не испугаться и остановить свой выбор именно на этом человеке?

Я обращаю внимание на внутренний голос. С детства научилась слушать его, когда приходилось прятаться в комнате, переживая конфликтные ситуации в семье. С тех пор мы неразлучны (говорю же: всё нужно для чего-то). Мой внутренний голос вёл меня. И у него не было ни капли сомнений в правильности моего решения.

А ещё, признаюсь, мне было приятно попасть в её любимицы. Сколько бы любви вокруг меня ни было, а ещё чуть-чуть не помещает никогда. У меня был приемлемый вес – результат токсикоза, я была очень юна и послушна, гибка и податлива. Подсознательно я считала любовь врача как приглашение доверять ей целиком и полностью. Что и сделала. Чему и была, и остаюсь рада.

В день родов всё происходило молниеносно. Он изначально планировался хлопотным: день рождения мужа, ужин с семьёй. Утром я поздравила Сергея с праздником и отправилась к врачу. Планы поменялись и жизнь вместе с ними.

К нам пришла Юляша. Наша Юляша.

Она появилась в семье по большому нашему желанию и привнесла в неё новое счастье. Выбрала свой день, свой добрый час. Пришла сразу за папой. На следующий день после него. Он был счастлив, а я и подавно.

Воистину, чудеса происходят! Их просто нужно уметь замечать и ждать очень деликатно: без давления на пространство, время и жизни тех, кто рядом. Наша дочь – нежный плод любви и светлых чувств. Я родила её от мужчины, с которым готова была шагать по жизни, развиваться и взрослеть.

После я окунулась в домашнюю рутину. Мне было хорошо. Неожиданно, что именно так, но действительно хорошо. Занимаясь домом и ребёнком, я испытывала наслаждение и умиротворение. Серёжа работал, реализовывал себя как добытчика, как главу семьи. У меня хватало времени на всё: на малышку, на заботу о муже и доме, даже на учёбу, которую я не бросила. Кроме того, родители жили через два подъезда и всегда были рады помогать. По утрам мама забирала коляску и гуляла с Юлей часами. Стоит ли рассказывать, как важны эти свободные утренние часы для студентки и любящей хозяйки дома? Это была идиллия.

Наша Юля не позволяла себе лишнего крика. Была терпелива к людям. Различала (я видела это по её настроению) руки бабушки и дедушки, радовалась каждому из них по-своему. Добрые и тёплые – бабушкины. Крепкие и надёжные – дедушкины. Так, вероятно, в ребёнке зарождается понимание этих чувств.

Купали мы нашу крошку вчетвером. Это стало для нас нежным вечерним ритуалом.

Как я благодарна родителям. Как многому я у них научилась в тот период. Сколько силы и терпения в людях, которые нас воспитали. А сколько в тех, кого воспитываем мы! Я росла

и становилась мудрее вместе с Юлей. Она была моим маленьким, но очень внимательным и строгим «учителем».

Прошло три месяца размеренной жизни, и у меня началась сессия. То ли сказался стресс от надвигающихся экзаменов, то ли переутомление от впечатлений и груза ответственности, но я захотела взять академический отпуск. Экзамены я сдала бы, несомненно. Но, мне казалось, что больше вся-вся, «с потрохами», я нужна Юле. И что нужно дать ей подрасти, окрепнуть, прежде чем полностью переключать своё внимание на другие занятия. Например, на учёбу. С сессией не получилось бы «по чуть-чуть везде». Нужно было полное погружение.

Как ни странно, маме моя идея не понравилась:

– Катерина, даже не думай! – мама буквально бунтовала. – Только через мой труп. Никаких академических отпусков. Мы рядом. Я помогу, папа поможет. Тебе нужно довести дело до конца. Экзамены, курсовые. Делай. Мы рядом.

И так далее. Словом, мама меня буквально втолкнула в сессию. Она редко разговаривала со мной таким тоном. Я знала его с детства. Когда он включался, его нельзя было просто так переключить, а маму переубедить. Это означало: «Вопрос закрыт. Я всё решила. Иначе быть не может».

– Хорошо, мам. Раз вы поможете. И я смогу продолжить учёбу легко, значит, вопрос закрыт, – только и сказала я.

Это был второй курс университета. Впереди было ещё три года. И здесь я впервые подумала о карте своей жизни, где мы с дочкой неразлучны, и рассуждала не с точки зрения, «какой буду я», а с позиции, «какими будем мы с ней вместе». Любопытные переживания. И я была от них счастлива. Они дали мне силы продолжить учёбу. Только подумать: «Моей Юляше 4 года, а я уже дипломированный специалист».

С учёбой бывало по-всякому. Не так легко она мне давалась, как мне хотелось. В конце концов, не одна я в группе вышла замуж и родила. Мы с одноклассниками поддерживали друг друга, понимали сложности друг друга. Шли рядом по большому пути. И многие дошли до конца.

Что же до наших отношений с Серёжей – им можно было позавидовать. Кажется, я порой сама себе завидовала, насколько у нас всё было безупречно. Нам было легко и просто вместе. Это настоящее женское счастье. Я его нашла. Понимание друг друга, принятие без малейших попыток друг друга изменить, улучшить. Благодать царил в доме. Сейчас будет «но».

Всё-таки женщине важно проявлять себя, как женщине. Всё-таки живёт в нас искра, которая хочет разгораться и сиять. Всё-таки одна из наших ипостасей – драконья или около того. Дикая. Мне просто не обо что было её раскрывать и реализовывать.

Мы же не в тихом мире живём: фильмы, книги, истории дают фантазии простор для идей, которые интересно было бы реализовать. И даже мои детские воспоминания полны страстей и бурь. А моя жизнь: порядочный и честный муж, здоровенькая, подрастающая дочка. Родители добрые и готовые прийти на помощь. Ни намёка на жар души и бунт сердца.

Что мне ещё было нужно в созданной вокруг меня идиллии?

Быть женщиной. Настоящей. Проявленной. Я же превратилась из девушки-женщины, в полуженщину-полумужчину. Это было ожидаемо. И родители мужа, и мои родители распределяли в своих семьях роли так: жена ведёт, муж идёт. Мы так научились. Мы это переняли. Был ли у нас шанс вести себя иначе? Он есть всегда.

Но чтобы выйти за пределы формы, сначала нужно прожить саму форму. Прожить то, что предлагает программа рода, сценарий жизни. Мы не знали, что можно иначе. Поэтому я вела, Серёжа безропотно шёл. Добрый, тёплый, податливый. Я говорила – он делал. А не говорила... Понимаете? Нужна же искра. Нужно желание жить, что-то совершать. И женщина вроде как может зажечь мужчину. А если не зажигается сама? Если не танец жизни выходит, а шахматная

партия с заранее известными ходами. Ведь кому-то это даже подходит. Кто-то на это согласен. Кто-то живёт всю жизнь, как по намеченному плану.

Вспоминаю, как мне было спокойно и тихо с Сергеем. Как он заботился о нас с дочкой. Сколько доброты и милой робости у него было к нам. Про таких говорят «тёплый мужчина». Рядом с тёплыми хорошо, но... нет любви, страсти. Эмоций!

Видимо, Сергей мечтал о семейном уюте. Идиллии. И забыл, что семья – это ещё и чувства, и жизнь, и секс (которого стало сильно меньше), заблокировал себя как человека, как мужчину. Оставил только роль хорошего мужа. Я могу лишь догадываться, что происходило с ним. И вспоминать, что же было со мной.

Я хотела любви. Парадокс. Я жила в любви, однако мне была нужна она же, но не остановленное в моменте переживание, а текущая горная бурная река чувств и страстей. Жизни хотелось и любви в ней.

Я отговаривала себя. Просила одуматься и посмотреть на других женщин, которые страдали от яростных отношений, от отсутствия секса вообще. Я заставляла себя думать, что всё хорошо. А в грёзах позволяла себе то, чего не позволяла в жизни. Просто не знала, как это воплотить, реализовать: ни в постели, ни в быту. Я, наверное, ждала чего-то от Серёжи. А нужно было самой действовать – говорить, предлагать, раскрываться. Но как мне, юной и неопытной, было дойти до этого своим умом? И спросить не у кого. С мамой мы об этом не говорили. Она и так мне помогала. И так много на себя взяла.

Напрасно в школах, вместо – или вместе – с основными «типа нужными» дисциплинами не дают сексуального воспитания. Точнее, дают, но не то. Нам говорят, всё, что с ним связано – запрещено, плохо, опасно. Теми или иными словами. Вращивают в нас идею запрещённости этого вопроса. Занимательно: о том, что женщина должна родить, нам рассказывали. А как раскрепоститься для отношений и красивой сексуальной жизни с любимым человеком? Как позволять себе быть, а не существовать? Как позволять себе... позволять?

В чём ещё была ошибка наших с Серёжей отношений: у нас всё получилось быстро. Хорошо, но быстро. Романтическая стадия промчалась шальным галопом. Сразу вошла в сексуальную, успешно миновав эротическую. А они все так нужны.

Романтика. Мы гуляем по ночному городу, держась за руки. Мы прыгаем на мотоцикл, мчимся вдвоём, обгоняя ветер. Нам хочется приключений, и мы любим друг друга без ума. Мы способны на большие поступки, на маленькие радости, на великие глупости.

Эротика. Я выхожу из пенной ванны прекрасная и обнажённая. Я не вытираюсь и не надеваю ничего, кроме туфель на высоченных шпильках. Я сногшибательна. Челюсть моего супруга, когда он видит меня, мчится в гости к соседям этажами ниже. Он покорён. Он снова страстно меня любит и желает безоговорочно. На мне тонкая нитка жемчуга. Он обвивает мою шею. Теперь на ней пальцы моего возлюбленного. Он поглаживает меня, мою грудь...

Всего этого не было. Об этом я могла грезить. Пока через несколько лет не сообразила бы, что это лишь мечты, а в моей реальной жизни такого не будет никогда. Потому что у меня уже всё ясно, всё понятно, всё по расписанию. Я упакована в семью.

А как же ужин в ресторане? А как же пена в ванной и клубника в сливках? А чулочки, и чтобы зубами снял? Не нужно? Ещё как нужно!

Но мы уже женаты. У нас есть страхи, сомнения, комплексы. И мы за них держимся крепче, чем за наши фантазии. Наверняка они и у Сергея были. Но он мне о них не говорил. Мужчины умеют подавлять чувства. При помощи алкоголя, в основном. Он верный помощник на этом пути.

И мой муж не стал исключением. То, что он не мог проживать со мной, он доверял стакану. Военные. У них есть особенность: пить до последней рюмки. Он пил в кругу коллег.

Последняя рюмка – понятие растяжимое. Один раз посидели вместе, затем приглашения становятся регулярными.

Каждую пятницу, как по графику – мероприятие. Честнее сказать – повод. Завершили рабочую неделю, начали что-то, узнали что-то. Как говорится: «За это надо выпить». И пили. Не за то, за что пили, а вопреки тому. Назло жизни. Чтобы не чувствовать. Чтобы не видеть неудовлетворённых жён. Чтобы не терзаться болью нехватки любви. Ведь как у партнёров (это я теперь понимаю): что нужно жене, того на самом деле от неё хочет муж. И наоборот. Вот такая камера обскура.

Что же до меня... Пьяный муж повышал градус в себе, и во мне он рос прямо пропорционально. Сначала его новая особенность меня злила, затем сильно расстраивала, возмущала. В итоге это перешло в гневную ненависть и её не благодное выражение.

Я проявляла агрессию, насколько хватало фантазии. Любопытно, кстати: в сексе мы себя сдерживаем, мол, нельзя, запрещено. А в скандалах – вряд ли. Знаем, почему? Потому что к скандалам ещё с детства привыкли. А к ласке и страсти...

Словом, утром в пятницу я отправляла на службу опрятного человека, который возвращался... Не буду подбирать слова и расстраивать себя неэтичными замечками. Останусь леди: он не помнил, как попадал домой. Сначала только по пятницам. Затем и в другие будние дни.

Наутро и после я плакала, просила, умоляла. Даже угрожала и ставила ультиматумы. Конечно же, это не срабатывало. Но и здесь, замечу, я не позволяла себе полностью раскрыться. Я всё равно лукавила, подбирая выражения. Возможно, именно поэтому увещевания жён обычно не срабатывают. Они не говорят правду.

В чём правда: «Мне больно, одиноко, я хочу любви». Он – мы знаем психику личности – хочет того же. А просим мы чего? «Чтобы не...» Дальше из списка: пил, вёл себя, как... и так далее. Мы не просим, чтобы он дал то, что у него от природы есть. Мы просим, чтобы он избавился от того, к чему вечные рамки и ограничения его привели. И себе свободы не даём, и близкому. Неутешительный сценарий жизни...

Я боялась его обидеть. Боялась задеть. Ведь он не был достоин грубых слов. Он просто так справлялся с собой. В результате я полностью забыла о себе. Я начала думать, что меня не любят, что я не нужна. Что он меня не хочет, не воспринимает. Какой хорошей и терпеливой я пыталась быть, и это не оценили.

А ещё я напрочь отказывалась его понимать: «Ну почему нельзя остановиться, не доводить себя до образа пьянчуги!» Он даже не мог прикоснуться ко мне в таком состоянии. Ведь он же знал, что мне его раздевать. Мне за ним убирать. Может, если бы я это охотнее делала (и со страстью из фантазий), пока он был трезв, он и не притронулся бы к рюмке. Но откуда мне было знать? Откуда нам было знать?

ЯЛТА

Жизнь продолжалась. Учёба тоже. После третьего курса университета я узнала, что его закрывают. Филиалу не продлили лицензию. И единственной возможностью продолжать в нём учиться был переезд в Санкт-Петербург.

Нам всем предложили перебраться на сессии туда. И я, опешившая новостью о закрытии, сначала даже обрадовалась, что открывается возможность новой жизни, новых приключений. Так бывает: что-то забрезжит на горизонте, а мы уже фантазией там. И не важно, хорошее или плохое, опасность или радость, война или мир. Нам что-то открылось – мы там.

Попасть в Петербург мне хотелось. Заманчивое предложение, красивый город. Но я понимала, что по финансам мы никак не потянем: каждая сессия почти по месяцу, там в это время нужно как-то жить, питаться. А ещё билеты, ещё сама учёба. Мегаполис и туристический город с древней историей. Конечно, он не мог быть бюджетным.

От этой идеи пришлось отказаться. Но пришла следующая: забирать документы и переводиться в другой университет. А что, возможно? При желании возможно всё! Уж я-то хорошо знаю. Для перевода нужно было получить справку о количестве прослушанных часов по изучаемым дисциплинам. Только и всего. Новая дорога открывалась. Путь обещал быть добрым. И он случился.

Я поехала в Ялту. На кафедре менеджмента мне сообщили, что перевод к ним для меня реален. Оставались условные моменты: сделать пересчёт часов и встретиться с деканом факультета. Справка о часах была при мне. И вот я оказалась в огромном кабинете серьёзного человека. Декан факультета. Благодаря ей стены этого заведения украшают множество фотографий отличившихся в учёбе студентов. Их было больше, чем я видела в другом ВУЗе. Меня восхитил такой уровень. Вероятно, здесь приятная мотивация к учёбе и зарабатыванию высоких баллов.

На самом деле, в этом университете многое было продумано для студентов. Например, в длинных коридорах были закреплены информационные стенды о влиянии инфляции на мировую экономику. Мне показалось это весьма удачной идеей: пока студенты ожидают экзамена перед аудиторией, остаётся возможность узнать для себя что-то новое или отвлечься на полезное чтение.

Меня представили декану. Назвали по имени. Оставили наедине. Она меня посадила рядом с собой, посмотрела ровным взором поверх очков и задала ожидаемые вопросы о том, как я оказалась в кресле её кабинета.

Я честно рассказала, что мой университет закрывают. И что мне хотелось бы, конечно, остаться там, но моя семья по финансовым обстоятельствам (исключительно по ним), не может себе этого позволить. Я подчеркнула тёплое отношение к учебному заведению, где была до этого. Я знаю, что люди не слишком радушно принимают «беглецов», которым что-то не понравилось, и они отправились на поиски более тёплого местечка. Мой случай иной. Это обстоятельства, от меня не зависящие. Кажется, это было ценно проговорить.

Тон Марины Алексеевны (так звали декана) смягчился. Ей понравилась моя привязанность к выбранному изначально месту.

– Я поняла вас, Катерина, – продолжила она. – Но вы должны понять, что уже сейчас я вижу, какая получается большая академическая разница в часах. Сейчас у нас, – она указала на календарь, – август. До начала учебного года три недели. Нужно подтянуть. Успеете?

– Уверена, что да.

На самом деле, я уверена не была. Просто особенность у меня такая: сначала согласиться, а потом увидеть, с чем именно. Внутренний импульс. Сейчас я его понимаю, но в моменте он необъясним. Я втянула себя в новую авантюру. Иначе и быть не могло.

Наш разговор прервал стук в дверь. Методист моего факультета сообщила, что на основе той академической справки, что я предоставила, для продолжения учебы в Ялте мне нужно подтянуть 21 дисциплину. На всё про всё 3 недели. Круто? Хорошо, что я не умею ориентироваться в масштабах в моменте. Иначе я бы испугалась. А я лишь сказала: «Хорошо». После чего добавила: «Когда у меня первый экзамен?»

– В начале следующей недели. Оплачивайте, сдавайте. Не сдадите с первого раза, у вас будет сколько угодно попыток. Платных попыток.

Я кивнула.

Вот это мотивация к жизни. Вот это поворот событий.

Но в библиотеку я решила не спешить. Мне нужно было понять, что происходит, и что мне с этим делать. Я вышла из громадного здания университета с внезапным приливом сил (это говорило о том, что я всё делаю правильно), а следом ветер принёс тонкий, едва уловимый аромат Чёрного моря.

Как это замечательно: мой будущий университет располагался возле набережной. Той самой знаменитой, манящей своей романтикой, величием и красотой набережной Ялты, где собираются влюблённые пары и группы туристов из разных городов и стран мира.

Я отправилась туда. И очутилась на курорте! Туристы, киоски с билетами на экскурсии. Атракционы, фото с обезьяной и орлом. Запах свежей еды. Знаменитые лакомства – например, Пахлава. Вы пробовали ялтинскую Пахлаву? Её нужно писать с большой буквы. Она этого достойна.

Эти ароматы, звуки, запахи витали в воздухе и уносили меня в мысли о будущем.

Для меня Ялта – это красивые люди, стиль, иной образ жизни. Я ощущала, что город этот создан только для удовольствий и наслаждений. Я шла по заблитою солнцем набережной и уверяла себя, что совсем скоро моя жизнь поменяется: новые одногруппники, новые преподаватели. И новая дорога на учёбу.

Путь жизни рисовался на воображаемой карте по южному берегу Крыма: Севастополь-Ялта. И мне было почти всё равно, как я решу вопрос с проживанием. Может, буду жить в Севастополе и мотаться каждый день туда-сюда. Два часа в одну сторону – прекрасно! И ещё новый опыт.

Цель намечена, испытания расставлены: дорога, экзамены и зачисление снова на третий курс. То есть мне учиться на год дольше. Ну и пусть. Зато, кажется, в моей жизни снова появляется страсть. К новому, к непознанному.

Я шла по набережной и улыбалась. Шла по жизни и держала голову прямо. Мой шаг стал твёрже. Я словно бизнесвумен ощущала себя суперсильной и деловой. Командировки, другой город, ранние подъёмы. Чтение, очень много чтения. Поздняя дорога домой. Усталость. Удовлетворение. Желание подниматься утром с кровати. Вера, что всё не напрасно.

Я снова была счастлива! Чего нельзя было сказать о моей семье. Мама меня, конечно, поддерживала. Молилась за меня, «держала кулачки». А муж был явно недоволен.

Мелочь, возможно, но тоже запишу: мы с Аней (сводной сестрой) перевелись вместе. На одинаковых условиях. Почти в одинаковом настроении, хоть и в разных жизненных обстоятельствах. Катя и Аня. Мы были в списках новой группы Ялтинского университета. Разве могло быть иначе?

Интересны твои впечатления от опыта смены ВУЗа, сдачи экзаменов, долгих дорог и прочего. Ты понимаешь, почему произошло то, что произошло? Открытый путь

не сразу же воспринимался тобой именно так. Сначала он выглядел лишь как поставленная задача. Верно?

Всё было ещё глубже и небезболезненно. Теперь я, конечно, понимаю, зачем произошло то, что произошло. Осознаю, зачем на карте жизни появлялись те и иные «прожилки рек», «пики гор». Я шла как по мягкому песку, проваливаясь в него глубоко. На меня падала задача за задачей. А времени в сутках не прибавлялось. И сил тоже никто не спешил отсыпнуть. Конечно, любопытство и азарт неизведанного питают, но... этого было на тот момент много для меня. Так выглядят переломы на пути. Крутые повороты, за которыми не видно дороги. Что там? Встречный автомобиль, автобус? Ветер? Или простор? Или вообще стена, в которую я влечу на всей скорости.

Что было за моим поворотом...

Нас с моей сводной сестрой и близкой подругой Аней (фраза построена так, будто это три разных человека, нужно как-то иначе. Тем более, про Аню уже было, что она сестра и подруга, можно просто – с Аней) приняли в ВУЗе, как я уже говорила, обняв сдать 21 экзамен за 3 недели. Я отважно или безумно – тут уж как посмотреть – шагнула навстречу этому вызову. В конце концов, необязательно все сдать на «отлично», где-то может спасти личное обаяние, где-то можно что-то пролепетать и пройти с троечкой дальше. Не будем перфекционистами. Аня же отказалась. Вот так просто. Она решила не пойти. Я опешила.

Уговаривать её и звать к здравому смыслу у меня не было ни сил, ни желания. В конце концов, это её судьба. Я же погрузилась в свою. Хотя не могу не упомянуть, что с ней вместе мне было бы легче. Мы бы поддерживали друг друга. Вместе и учить что-то проще. Пустое это. Я осталась одна. Это была моя схватка – смешно звучит, но тогда я чувствовала именно так. Я пошла. И прошла.

Экзамены начались быстрее, чем я успела к ним подготовиться. Но у Небесной канцелярии всё было уже распланировано. В их планы я не вмешивалась. И я всё сдала.

Вокруг меня в тот период творились чудеса. Я ощущала поддержку высших сил, которые направляли меня, оберегали от ненужного, лишнего и вели именно моей тропой. Моей задачей было лишь прислушиваться и делать выводы. Оставаться верной себе. В этом мне помогли ещё и люди, которые были рядом.

Меня нёс Поток жизни. Он милостив. Он всегда с нами. Несмотря на то, что мы не обращаем часто на него внимания. К слову, я тогда ещё не была погружена в знания о духовном развитии и росте. Видно, высшим силам это необязательно. Духовная практика нужна лишь самим людям. Исключительно для того, чтобы реагировать на поддержку и сигналы этих самых высших сил.

Например, случалось, что я совсем не надеялась сдать экзамен. Но выходила с оценкой. Как это? Безусловно, хоть что-то я читала. Но не на уровне единственного экзаменуемого, где преподаватели со свежими головами и настырными взглядами реально проверяют знания. Видно, моё подсознание просило помощи за меня. Просило о покровительстве.

Секрет прост: всё дело в настрое. Знаю, не знаю – неважно. Сегодня одно, завтра другое. Моя задача верить, что у меня всё получается. Не в будущем получится, а уже получается. И я просто иду. Просто делаю. Что могу. Не нужно больше. Так просто: делаем только то, что делаем. Этого достаточно. Но делать нужно обязательно. Хотя бы чуть-чуть пошевелиться. А уж я шевелилась! Боялась, но шла напролом. Меняя свою реальность. Сумела заглянуть на оборотную сторону сомнений.

Дело сделано. Экзамены сданы. Лето прошло. 1 сентября. Наступила очередная сессия, где я уже была студенткой нового ВУЗа. У меня получилось. Получилось!

Учёба началась, и жизнь снова изменилась. Кардинально. Я раньше слышала истории на тему «ошиблись дверью и поступили не на тот факультет». Я вроде бы вошла в ту, которую хотела, но оказалось, что факультет, который выбрала, совсем не про социальные отношения, а об управлении организацией. Это иное. Пришлось попотеть.

Я штудировала книги в местных библиотеках с такой интенсивностью, что оставалось совсем мало времени на Юляшу. А она росла. Да так быстро, что я не успевала следить за её изменениями. Мне так хотелось порой остановить время, чтобы насладиться каждым мгновением с ней, каждым новым переживанием. Вот мне сообщают, что у неё выпал первый зубик, вот она научилась переворачиваться.

И тогда я говорила себе: «Катя, не торопись жить». И находила время для нашего общения. Его было мало. Но оно было самым лучшим для меня. Важно не количество, а качество. Это правда. Хотя, что лукавить, я очень жалею и сокрушаюсь, что у меня не было достаточного времени для Юли, для наших с ней отношений.

Случалось, что меня не было подолгу. Во время сессий я появлялась дома только на выходных. Конечно, я скучала по всем, кто меня дождался. Но путь надо было продолжать. Я шагала, проходила ступень за ступенью. Преодолевала преграды в учёбе и дома: мне приходилось делать нелёгкий выбор в пользу своего будущего, а не настоящего. Но мне удавалось довольствоваться теми недолгими и нечастыми моментами с дочкой, которые нам дарил судьба. И я всё-таки видела, как она растёт. Я всё замечала. Не столько же, сколько более вовлечённые в семью женщины, но достаточно, чтобы быть счастливой.

Сессии заканчивались. Я возвращалась домой с чувством завершённости, удовлетворённости, но и грусти. В Ялте я окуналась в совершенно иной ритм и поток жизни, который давал мне не только академические, но и знания практического бытия современной женщины: что есть самостоятельность, самодостаточность. Как принимать решения, делать выбор. Там была только моя жизнь, я ни с кем её не делила.

И на этом новом пути ко мне пришёл новый опыт. К которому я, наверное, была отчасти готова, но не до конца понимала, нужен ли он мне. Я столкнулась с таким любопытным явлением, как мужчина-тиран.

О подобных ему людях я слышала, читала, видела в фильмах, но не понимала их практического значения для мира. Ведь всё, что есть на планете, зачем-то нужно этому плану существования Вселенной.

Тираны доминируют и ломают тех, кто слабее, добрее, тех, кто не может дать им отпор. Тираны контролируют, регулируют, управляют жизнями других людей. Они держат их на привязи из страха быть отвергнутыми: «Я тебя первым брошу». Неправильно понятыми: «Меня никто не слышит», и так далее. Они не могут самостоятельно прожить свои травмы (возможно, даже неосознанные) и вынуждены прикладывать силу, заставляя близких людей понимать их, слышать, питать их травмы вместо того, чтобы вместе эти травмы исцелять.

Как они это делают? Вращивают в жертве зависимость, чередуя в ней чувство вины («это из-за тебя мне плохо») с чувством собственной важности («ты мне очень нужен»). То отталкивают, то притягивают к себе очень близко.

Человек находится на разрыве полюсов. Он не знает, «каким силам служит». Тиран паразитирует на чувстве вины и чувстве брошенного. Тиран убеждает жертву, что она причиняет ему боль. Жертва вынуждена защищаться, попутно искупая свою вину. Жертва теряет себя. Истощается. Жертва даже не понимает, что она – жертва. Тиран делает вид, убеждает, что жертва здесь – он.

Тираны силой добиваются внимания, признания и подчинения от тех, кого выбирают жертвами. Или, судя по тому, что я узнала позднее, жертвы сами выбирают себе тиранов. У них такой своеобразный «танец жизни».

Даже просто находиться рядом с такими людьми неприятно, а подыгрывать им, соглашаясь со всем, что слышим из их историй – опасно. Когда же мы сами в такой паре... Это больно.

Тираны нужны, чтобы люди воспитывали в себе стержень, учились выражать себя, заявлять о себе. Души «там, наверху» договариваются об уроках, которые преподнесут друг другу, и встречаются на земле. Да так встречаются, что пока урок не пройден, не могут друг от друга оторваться: страсть, зависимость, привычка, обстоятельства – что-то держит их друг возле друга. Выбор есть, но его нет.

Тирана звали Андрей. Он был моим одноклассником. Красивый, импозантный, широкоплечий. Он был значительно старше меня. И он обращал на себя моё внимание.

Познакомились мы ещё на входе в ВУЗ. Как и я, он сдавал экзамены для перевода из другого города. Он перебрался в Ялту из Полтавы. Мы нашли, о чём поговорить при первой же встрече: общая ситуация, общая задача. Вместе веселей. Знакомство как знакомство, словом, ничего примечательного.

Он-то и дал мне помощь и поддержку, которую я рассчитывала получить от Ани, когда мы планировали переводиться вместе. Экзаменовали друг друга у дверей аудитории. Это предавало нам уверенности: расставить акценты, уточнить детали, повторить мельком пройденное. Причём интересно, что мои ответы и подсказки для него были из книг и учебников, из которых я едва выныривала, вырываясь на очередной зачёт. А у него жизненный опыт и практические знания. Он был процветающим бизнесменом. Я – библиотечной мышкой. Мы сдружились.

Он испытывал ко мне больше, чем просто симпатию, я это чувствовала. Мне это даже импонировало, но чтобы не разрушить хорошую дружбу и утверждённую жизнью семью, я не придавала этому особого значения. Да и Андрей оказался благородным человеком. А проявленное благородство – высшая степень добродетели. Большого мне было не нужно, чтобы чувствовать себя рядом с ним в безопасности.

Мы садились рядом на лекциях. Он подвозил меня до автобуса, когда я уезжала домой. Я не сказала, что он был женат? Да. У него была жена. И хорошая, судя по его рассказам. Он рассказывал о ней приятные истории. И обо всей своей семейной жизни. Всё хорошо в ней было. По крайней мере, он не жаловался. То есть я такого не помню.

Жена его была почти моего возраста. Насколько я поняла, у него это был второй брак. Но вместе они были с её шестнадцати лет. И это были отношения, не закреплённые юридически. Мелочи, возможно, но я уже тогда обратила на это внимание.

Это был первый штрих на полотне, где позже я нарисовала всю картину их жизни, опираясь на его истории.

В итоге получилось так: он – успешный и сильный. В его владении гостиница на берегу Чёрного моря. У него стабильный доход. Красивая жена Оксана. И дети. С ними жил его сын от первого брака. Его он «забрал без обсуждений» у первой жены.

«Я так решил и сделал», – его формула жизни, применимая не только к этой ситуации. Возможно, когда речь о бизнесе, так рассуждать правильно. Но если речь о живых людях и их судьбах, одного «я решил», на мой взгляд, недостаточно. Впрочем, что я могла понимать в те свои двадцать два года, когда слушала его байки.

По его словам, у жены Оксаны в жизни было всё, что ей было нужно. Кроме, как я понимаю, личного пространства, свободы. А также собственного мнения, права голоса и возможности принимать решения. Безропотно она вела их хозяйство, решала вопросы и по гостиничному бизнесу, управляла кафе, делала ещё что-то там, где нужна была её светлая голова и доброе сердце.

Поначалу, когда Андрей мне рассказывал свои истории, мне казалось, что Оксана с ним счастлива. А что ещё нужно: мужу помогает, домом занимается, обеспечена материально

до макушки. Андрей действительно был успешным предпринимателем. Я воспринимала его тогда добытчиком (и невольно сравнивала с Сергеем), Мужчиной с большой буквы. Считала, что на него можно положиться. «За ним как за каменной стеной», – мечта, правда? Пока эта «стена» не начинает на нас падать, придавливая всем своим кирпичным весом.

«Где отдыхать и куда поехать выбираю я. Машину покупаю я, значит, и выбираю я. Для себя и жены. В доме моя жена, мои дети, мои друзья. Это моя жизнь. Мне она такой нравится. Я о такой мечтал», – говорил он, а я мысленно спрашивала себя, есть ли друзья у Оксаны, есть ли у неё мечты и творческие идеи, есть ли у неё хоть что-то кроме дома, детей и этого хозяина её жизни. Есть ли у неё хоть что-то «своё»?

Я привлекала Андрея. Это было очевидно. Иначе зачем бы он вокруг меня столько крутился и доверил мне столько историй о своей жизни? Он нашёл во мне благодарного слушателя. Это, пожалуй, то, что нельзя купить за деньги или заставить сделать: уважать не научишь.

Шли месяцы. Мы были рядом. Но были и другие девушки. С нами. И на них он поглядывал глазами самца. Я замечала. Мне казалось, что мы друзья и даже ближе, и однажды я позволила себе откровение: «Послушай, ты же абсолютно несносный! До чего же тяжёлый у тебя характер. Если бы ты был моим мужем, вот уж поверь, я бы огрела тебя сковородкой на следующий день совместной жизни».

Кажется, он тоже пристально разглядывал мой характер продолжительное время и тут же нашёлся, что ответить: «Знаешь, Катя, я вообще не представляю, как можно жить с такой как ты. Ты же совершенно неуправляемая. Ни один адекватный мужик тебя не стерпит». Там было что-то ещё. Кажется, он даже огорчился, озвучивая это. Я почему-то не удивилась и не расстроилась. Это правда – я неуправляемая. Я же не машинка на пульте.

В общем, отношения мы выяснили. Поняли, что не подходим друг другу. Наверное, нас всё-таки тянуло друг к другу, раз вообще взялись выяснять перспективу совместной жизни. Но он не хотел получить сковородкой, а я не хотела привязывать к себе верёвочки, как у марионетки. И наше общение сошло на нет. Но опыт у меня остался. Кто такие тираны, я теперь знала не только из книг и фильмов. Я пообщалась с настоящим. Одного раза достаточно. Повторения не допущу. По крайней мере, я так хотела, так думала. Как же я ошибалась.

На тот момент я была очень сильной девушкой. Я именно так себя позиционировала: сильная девушка. Не женщина, не девочка. Я хотела, чтобы мир увидел, понял, что я могу. Чего я добилась. Что я умею. Справляюсь с жизненными задачами, общаюсь со сложными людьми, нахожу решения.

Например, я сама нашла для семьи новую квартиру, потому что хозяева нашей захотели вернуться на летние месяцы с лютого севера. Я их понимаю. И себя понимаю. Поэтому спокойно нашла квартиру, организовала переезд. Сделала уборку во всей квартире, точнее, в обеих. Так хорошо, как только моя мама может. Она же моя мама.

Ты так отважно звучишь сейчас. Полна решимости. Ты взяла управление семейными делами в свои руки. Опыт общения с тираном, видимо, увёл тебя на тот момент от повторения его «сюжета жизни». А что же до твоей модели поведения в семье? К чему ты шла? К чему стремилась? На что ты опиралась?

Я опиралась на фразу удивительной Коко Шанель: «Если Бог – мужчина, то мужчина – Бог». Я хотела жить с таким, быть с таким. Заучиваясь до умопомрачения, разве я могла не выйти в стадио очаровательного перфекционизма к себе и всей своей жизни? Я захотела для себя всего самого самого.

Начну так.

На тот момент я считала отношения родителей благополучными. Такими они и были: понимание друг друга, поддержка, уступки. Тишина в пространстве и забота о близких. Перечислять я могу долго и только хорошее. Конечно, я не сопротивлялась, когда мамины шаблоны поведения передавались мне. Но я была не одна, с другой стороны был мужчина. Серёжа. Он изменился в нашем браке. Или раскрылся. И наши отношения поменялись тоже. Передо мной открылся новый опыт или новая стадия (возможно, она обязательна) отношений: проживание подавления своих чувств и реакций. И как результат – тотальное, полнейшее непринятие мужчины рядом и себя рядом с ним. Я не принимала Серёжу. Я осознавала с каждым днём всё больше и больше, что мне не подходят наши отношения, что мне не подходит он, что я сама себе не подхожу такая, какой становлюсь в этом браке.

В подобных болезненных осознаниях на том этапе моей жизни была необходимость. Я уверена: в этом мире на всё есть причина. И все ситуации, которые проживает человек, ему нужны. Раз ко мне пришли мои, значит, они для меня. Это мои уроки. Я благодарна жизни за свой путь. Не устану повторять это через строчку в книге. Книге моей жизни.

Время не остановилось, как ни странно: одна сессия сменялась другой. Я исколесила столько дорог, обошла столько библиотек, вычитала столько терминов и определений. Кажется, даже говорить начала канцелярским слогом: «Моя дочка является красавицей, находишь данную позицию моего мнения уместной, уважаемая мама...» Шучу, конечно.

А семейная жизнь, надо сказать, и без этого моего холодного слога шла под откос. Если бы на неё смотрели люди со стороны, они бы крутили пальцем у виска, не находя ответа на вопрос: «Что же тебе ещё нужно, Катерина? Муж есть. Дочь растёт. Любовь какая-никакая есть». Вот тут заминка, действительно. Откуда же посторонним людям известно, что есть наша, именно наша любовь, и что же на самом деле каждому из нас от отношений нужно? Мне нужна была особая ласка, большое признание. А не было. Мне хотелось быть особенной для него, и чтобы он мне об этом говорил, признавал это. Но он из «другого теста», он не привык рассыпаться в комплиментах и наполнять жизнь роскошью и блеском (хотя бы по доступным средствам). Даже просить об этом было бесполезно. Хотя я сделала пару безуспешных попыток.

Любили ли мы с Серёжей друг друга? Конечно. Бытовой любовью. Мы работали во имя друг друга. Он приносил домой деньги, я тоже зарабатывала что-то. Из совместного и обсуждаемого остались только цели на покупки. На машину, например, копили. Мило, правда? У людей есть общее дело. А мне нужна была общая тайна, которую мы могли реализовывать за закрытыми дверями спальни. Мне нужны были общие секреты и тайные объятия подросткового характера, пусть и по подъездам.

Я, конечно, придумывала себе страсть. Чтобы не сойти с ума от тишины наших контактов. Я хотела квартиру. Свой дом. Мы встали в очередь на жильё. Стоит ли рассказывать, как это всё долго, несбыточно. Люди, бывает, с первенцем, который ещё в утробе, встают в очередь, а заселяются уже с тремя детьми, когда младший в первый класс идёт. Неспешность жизни, куда же без неё. Поторопить бы. Да, это не про моего мягкого мужа. Зато про меня. Наточивая топор, которым я намеревалась разрубить узел непонимания необходимости своего жилья между мной и командованием флота, я обнаружила очень удачную новостройку в идеальном для нас месте.

В уютном районе Севастополя мэр Москвы заложил кирпич на строительство военного комплекса. Аккурат напротив дома наших родителей. Большой удачей я и представить не могла. Кажется, у меня появилась настоящая мечта: жить рядом с родителями. Это было бы идеально: Юля под присмотром, море рядом, нам до работы близко. К маме по любому вопросу – мы стали с ней так близки. В детстве я могла только мечтать о таком взаимопонимании.

Я смотрела на дом своей мечты, листала проект и видела, каким он будет идеальным. Огромный, красивый, комфортный – словно речь про мужчину мечты. Рядом планировались супермаркет, детский сад, школа. Мне определённо подходил этот район.

– Серёжа, пожалуйста, давай найдём возможность ускорить очередь на квартиру, – про-сила я мужа.

Он тогда был секретарём жилищной комиссии. Я знала, что он мог поговорить с руководством. Мог поддать скорости процессу. Зачем же ещё нужны высокие посты? Конечно, чтобы решать важные вопросы. Мой вопрос был важным. Я так считала. Но моего мягкого мужа было не сломить. Мягкие вообще не ломаются, на то они и мягкие. Он понял намёк и дал прямо ответ:

– Исключено, я не буду этого делать. Взятки давать не буду. Квартира придёт в назначенный час.

Меня этот ответ не устроил, как ни странно. Я включила наглость, которой успешно обзавелась, сдавая сессии и общаясь с тиранами, подобными Андрею, и напомнила мужу об играх его высокопоставленных товарищей, которые что только ни делали, чтобы получить ещё одну квартиру. Ещё одну! А мне бы первую. Свою. Они организовывали фиктивные разводы, проводили какие-то махинации с документами. Добивались своего, изучая и внедряя такие уловки, какие героям фильмов о мошенниках даже не снились.

Но Серёжа был непреклонен: «Нет, моя очередь скоро подойдет». А потом он сказал правду: «Ну не могу я подойти к своему начальнику с этим вопросом, пойми ты». Тогда я предложила, точнее, поставила перед фактом, что к его начальнику могу сходить я. Раз он не может. «Я устала переезжать с места на место каждый год».

С арендодателями нам не везло: то внезапно возвращаются в квартиры, то сходят с ума у нас на глазах, то забывают оплачивать счета, и мы неделями сидим без электричества. Можно было, конечно, проводить это время в романтике. Но наша пара была не об этом. Какие свечи и «камины», если у нас дела, планы и подрастающая дочь, которая явно брала не ту модель семьи, какую я ей, как мама, желала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.